

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

НАИЛЬ ВЫБОРНОВ
НА ПЕПЕЛИЩАХ
НАШИХ ДОМОВ

Метро

Наиль Выборнов

**Метро 2033: На
пепелищах наших домов**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Выборнов Н. Э.

Метро 2033: На пепелищах наших домов / Н. Э. Выборнов —
«Издательство АСТ», 2020 — (Метро)

ISBN 978-5-17-120820-2

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Двадцать лет они провели в подземном убежище, спасаясь от радиации и порожденных ею мутантов, боясь высунуться на поверхность. Двадцать лет они жили подобно крысам, прячась по норам и питаясь объедками цивилизации. Сама судьба не вынесла их страданий и дала жителям Набережных Челнов шанс выбраться из мертвого города, найти новое место для жизни и снова почувствовать себя людьми. Один из беженцев – Азат, несущий на плечах груз ответственности за жену и двоих сыновей. Он отправляется в путь вместе со всеми, в надежде дать семье лучшее будущее. Однако улыбка судьбы оборачивается злобным оскалом: куда идти, если весь мир погиб, а вокруг только выжженные атомным пламенем пустоши? Смогут ли они устроить новую жизнь на пепелищах наших домов?

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120820-2

© Выборнов Н. Э., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

И щи горячей, и трава зеленой	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наиль Выборнов

Метро 2033: На пепелищах наших домов

И щи горячей, и трава зеленей

Объяснительная записка Алекса де Клемешье

Практически каждое лето в детстве я проводил в деревне, в Поволжье, совсем недалеко от тех краев, которые описаны в книге. В 80-е годы местный колхоз был одним из самых передовых: богатые урожаи, победители соцсоревнований, фотографии местных комбайнеров-ударников – даже в центральных газетах. В каждом доме – по корове, а то и по две; овец и коз – без счета. Когда вечерами по деревне гнали стадо, приходилось ждать не меньше получаса, чтобы перейти на другую сторону улицы. В день, когда объявлялся сенокос, едва ли не до драк доходило – так торопились односельчане застолбить самый лакомый участок с самой сочной травой, так ценился любой клочок колхозной земли, не занятый пшеницей, рожью, кукурузой, подсолнухами или викой. Свободные от посевов и посадок места присматривали загодя, и внезапно оказывалось, что на вожденную территорию претендуют сразу несколько соседей. А куда деваться? Скотины у каждого много, сена на зиму требуется вагон и еще тележка в придачу.

Впрочем, маленькому мне недосуг было всерьез задумываться о взрослых дрызгах. Каникулы – они на то и каникулы, чтобы купаться, загорать, ходить в лес за земляникой, а в овраг к Дворянам – за опятами. Кто такие эти Дворяне, я тоже не задумывался. Ну, раз уж у рек и гор есть названия, почему бы не быть названиям у оврагов? Главное, что от дома близко, не больше километра, а опята – ужасно вкусные!

С середины девяностых и до начала нулевых у меня не получалось поехать в деревню: работа, свадьба, рождение сына... Казалось бы, что может произойти за каких-то семь-восемь лет? Выяснилось, что многое. Старики умерли, молодежь подалась в города. Деревня не то чтобы опустела – да, были и брошенные, заколоченные дома, но дело не в них. Изменилось все вокруг. Новое поколение уже не держало коров и овец, предпочитая покупать молоко и мясо на базарах и в фермерских хозяйствах. Никто больше не воевал за участки травы во время сенокосов, от гигантского стада остался буквально десяток голов. Скотина теперь не паслась на лугах и склонах оврагов, и в окрестностях все заросло метровым бурьяном. В Дворянах исчезли опята – наверное, им попросту не хватало солнца в густом покрове буйно растущей травы. Колхоз в «лихие 90-е» обанкротился, перестал сеять хлеб – занялся вырубкой леса. Экосистема разрушилась.

Кстати, Дворянами, как оказалось, называлась деревенька, которая вполне себе существовала в начале прошлого века, даже название местные жители не успели позабыть. Но название – это единственное, что сохранилось. Ни кособокого сруба, ни печного остова, ни каменного фундамента – ничего не осталось на том месте, где когда-то жили люди. Лишь опята на склонах оврага (вот дались мне эти опята! Тем более что и они в итоге исчезли, поглощенные бурьяном...).

Как страшно, наверное, гипотетическому бывшему жителю деревни Дворяне попасть в те места, где прошла его юность. Уж если мне после семи-восьми лет очевидны разруха, тоска и запустение в родной деревне и окрест, то что уж говорить о человеке, от чьего дома не осталось и следа? И от домов соседей – тоже... Вот так идти по склону оврага – и понимать, что сейчас

ты проходишь по тому самому месту, где когда-то стояли в палисаднике твои детские качельки, а вот тут жила девушка – твоя первая любовь, а вон там работал на лесопилке твой отец...

Все исчезло. Ничего не вернуть. А скоро и памяти не останется.

Красной нитью сквозь весь текст романа Наиля Выборнова тянется тоска по утраченному. Человек, прошедший через ужасы Катастрофы, преодолевший множество невзгод и лишений в постъядерном мире и, несмотря ни на что, выживший, – этот человек теперь выбирается на поверхность, смотрит вокруг: на знакомые с детства места, на пустоши и пепелища, на здания, ставшие склепами, на селения, ставшие ловушками, – и кажется, что от отчаяния у него вот-вот опустятся руки. И отчаяние это не из разряда «Как же теперь все это восстановить?», все гораздо страшнее: «Как мы могли все это допустить?!» – вот что гнетет и мучит героя романа «На пепелищах наших домов».

Однако есть кое-что, что не позволит опустить руки даже в самой безвыходной ситуации, то, ради чего испокон веков человек поднимается с колен, выбирается из руин и двигается дальше.

Глава 1

Исход

Азат не мог оторвать взгляда от открытых гермоворот.

Двадцать лет. Двадцать чертовых лет прошло с тех пор, как они закрылись, надежно спасая от разверзшегося на поверхности ада тех, кто успел укрыться в подземном переходе. Сколько их тогда было? Две сотни, три? Набились в бетонную кишку и технические помещения, как сельди в бочке, и сидели там в ожидании эвакуации, которой так и не последовало.

И что потом? Как так вышло, что из трех сотен за двадцать лет осталось немногим больше шестидесяти? Популяция пришла в соответствие кормовой базе? А ведь чего-чего, а еды, заготовленной впрок, хватало, особенно с учетом резко сократившегося населения Челнов. Единственным реальным дефицитом оказались лекарства, которые с каждым годом теряли свою эффективность. Антибиотики помогали примерно в половине случаев, хотя, возможно, дело было в изменившихся, как и все остальное, бактериях.

Люди умирали, все по-разному. Кто-то вешался и стрелялся, кого-то стреляли или вешали. Некоторым не повезло стать добычей для расплодившихся на поверхности мутантов, других убили недружелюбно настроенные сородичи. Взять только последнюю войну с Халифатом, в результате которой население «Домостроителей» сократилось едва ли не на треть.

Были и другие причины, конечно, – никуда не делись и инфаркты с инсультами, и гипертония с диабетом. Только вот их резко стало меньше, единицы, в пределах статистической ошибки. Если не было подозрений на насильственную причину смерти, никто не возился со вскрытием трупов – парни из «Булата» унесут на поверхность, да и все дела.

Зато число раковых больных увеличилось, но этому никто не удивлялся. Отчасти потому, что раком называли все непонятное.

С тех пор как подземный переход на «Домостроителей» стал для них единственным домом, прошло семь тысяч очень тяжелых дней, наполненных борьбой за выживание. И вот настало время покинуть убежище.

Парням из «Булата» удалось пригнать из Шильны четыре машины, переделанные под реалии нынешнего времени – высокие зубчатые колеса, сваренные из стальных труб бамперы, окна, прикрытые решетками. На базе «пришлых» явно имелся хороший механик, настоящий фанат своего дела. Благодаря его труду три несчастных «уазика» да смешной лупоглазый «ПАЗ» получили вторую жизнь.

«УАЗы» выглядели странно, будто кто-то поставил обычные «козлики» на шасси «буханок» и нарастил кузова так, чтобы было место и под багажник, и под гнездо для пулеметчика наверху, но все навешанное на них железо смотрелось удивительно органично. Это не уродливые кадавры, сваренные из лома, как в фильмах про «Безумного Макса». Выглядели машинки будто армейские серийные модели, не хватало только кучи разгильдяев-срочников вокруг.

Вместо них вокруг машин возились бабы и мужики, которым приходилось бросить все нажитое годами добро. Полковник был суров – не более пяти кило груза на человека.

Что неудивительно. Движки и так были прожорливы до безумия, а максимальная скорость более-менее комфортной езды для автобуса ограничивалась шестьюдесятью километрами в час – до какого значения она снизится, когда туда набьется под сорок человек, да еще со скарбом?

По задумке старика сборы должны были пройти тихо и быстро. Только вот ничего не вышло. Людям приходилось отдирать себя от стен перехода, будто за двадцать лет они успели врасти в них. Наверное, устроить галдеж с ругательствами и плачем толпе мешало только понимание того, что они находятся на поверхности, где любой шум может привлечь нежелательное

внимание. Рискованно это все было, хоть улица и прикрыта бойцами да двумя снайперами, которых для пущей безопасности отправили на позиции.

Ситуация заставила Азата задуматься – так ли нужна этим людям эвакуация? Может, им гораздо милее было бы дожить остаток дней под землей?

Не желая видеть, как жена с сыновьями будет отбирать их скarb, он напросился в охрану, но по сторонам почти не смотрел, уставившись на раскрытый гермозатвор, которому больше не суждено закрыться.

Возможно, кто-то из других переходов и решится на колонизацию бесхозной жилплощади: все коммуникации в порядке, только дезактивацию провести. А там и оставшихся вещей завались, и места под фермы да грибные плантации сколько угодно.

Еще месяц назад Азат был готов поспорить, что роль колонизаторов возьмут на себя исламисты с «Халифата» – единственного сообщества на руинах Автограда, которому удавалось не только не стагнировать, но и активно расширяться.

Но после поражения в недавней войне и смерти халифа воинам Ислама не до того. Судя по последним событиям, теперь это вполне могут оказаться коммунисты. Если, конечно, они действительно не построили за городом колхоз.

С другой стороны, если построили, то зачем им захватывать остальные переходы? Чтобы осчастливить всех уравниловкой и принудительным трудом?

Азат усмехнулся. Какое ему теперь дело? Что бы дальше в городе ни произошло, его это не затронет. Пусть хоть режут друг друга, хоть в десны целуются, его это больше не касается. Зато прочих забот прибавилось.

Двадцать лет назад он спустился в переход будучи двадцатичетырехлетним парнем, успевшим закончить институт и параллельно с магистратурой отработать два года помбуром под Альметьевском. Впереди были более чем приличные перспективы – полететь в Сибирь уже в разведке, накопить денег и открыть свой бизнес в Челнах. Тогда он задумывался о стоянке и СТО для грузовиков.

Только вот бомбы, упавшие на город и пощадившие жилые кварталы, стерли все перспективы в порошок. Выжили только самые пронырливые, кому повезло запрыгнуть на последний поезд в будущее, спрятаться в убежищах. Кости остальных до сих пор валялись по проспекту.

Но он к их числу не относился, потому что дальше было двадцать лет существования. Работа с грибами и овощами на ферме, потом – в бригаде механиков, поддерживающих дышащий на ладан газогенератор и проводивших техобслуживание освещения, гидропонных ферм и других систем, от которых зависела жизнь в убежище. Как ни крути, он же инженер, хоть и работал по совсем другому профилю – тренировки с оружием.

Постепенно обязанности стали рутинными и потянулись одинаковые дни, наполненные невыносимой скукой. Но если случались встряски вроде ЧП на работе или ситуаций, когда приходилось брать в руки оружие, Азат начинал думать, что лучше бы все шло по-прежнему. Он слишком любил свою жизнь.

Были и светлые моменты. Их с Ландыш свадьба и рождение Алмаза, а потом и Ильгизара, которые, на их счастье, оказались вполне здоровыми пацанами. Видимо, не смогла радиация превозмочь крепкие башкирские гены.

Но после победы над исламистами он понял, что дальше так жить не может. И пошел в разведгруппу «Булат», наплевав на причитания и слезы жены, которая даже ушла из их семейной «квартиры» в одну из общественных комнат. Лейтенант с Полковником были не против его кандидатуры, учитывая опыт ковыряния в железках и неплохую физическую форму. Хотя главную роль, конечно, сыграл дефицит добровольцев.

Старик только потребовал, чтобы он с женой помирился, но это было несложно. Трех дней не прошло, как та вернулась и с тех пор позволяла себе только осуждающие взгляды, пока

он ковырялся в снаряге. Старший сын, кстати, принял ее сторону, а вот младший, наоборот, был в восторге: надо же, отец – разведчик. Мародер теперь звучит гордо.

И получалось так, что покидал убежище Азат сорокачетырехлетним мужчиной, лучшие годы которого уже позади, и оставалось только прожить достойно, сколько получится.

Но он никак не мог взять в толк, что же означали открытые гермоворота?

Что за ними? Светлое будущее? Или наоборот, это – адские врата, и жители «Домостроителей» еще тысячу раз пожалеют, что осмелились войти? Или скорее выйти, покинув уютное нутро подземного перехода.

– Азат. – Он вздрогнул, услышав свое имя, повернулся и увидел, как двое его товарищей по службе в «Булате» тащат в сторону одной из машин НСВ.

Пулеметы у них в убежище имелись. Два «Утеса», один рабочий, а второй с убитой пружиной, намертво клинивший после пары одиночных. Правда, стрелять до недавнего времени было нечем, крупнокалиберных патронов в городе на момент катастрофы оказалось кот наплак.

Поэтому их и не использовали во время обороны от исламистов. Зато после победы «Домостроители» в качестве контрибуции помимо всего остального получили еще ящик «двенадцать и семь».

– Что такое? – спросил он.

– Полковник сказал рабочий пулемет на один из «УАЗов» ставить, – ответил боец. – Поможешь?

– Давай, – пожал плечами Азат.

* * *

Азат вместе с остальными бойцами «Булата» ехал в головной машине. Мотор «УАЗа» мерно рокотал на низких оборотах, под колесами шуршал асфальт, раскрошившийся от времени.

За окнами серые многоэтажки с провалами выбитых стекол сменились крепкими двухэтажными коттеджами. Не дворцы, конечно, но домишки выглядели более чем приятно, до войны Азат с удовольствием поселился бы в таком. Хотя и сейчас тоже, если бы удалось найти более-менее чистое место.

Да и нельзя сказать, что это была местная «рублевка». Владельцы домов в основном относились к среднему классу, но строились всерьез и надолго, вот и возник под самыми Челнами коттеджный поселок с летними верандами, гостевыми домиками и беседками.

– Что с фоном? – спросил лейтенант, слегка приоткрыв створку из толстого пуленепробиваемого стекла, которое, похоже, сняли с инкассаторского броневика.

– Чуть выше, чем на «Домиках», – ответил Баранов – боец, оставшийся снаружи, на пулемете. – И растет. Еще немного, и я в салон залезу, неохота рентгены ловить.

– Как почувствуешь, что припекает, постучи, остановимся. И по сторонам посматривай, не только на радиометр.

Лейтенант закрыл окошко и откинулся на спинку сиденья, погладил ствольную коробку своего АК. Азат невооруженным взглядом видел, что командир нервничает. Это было совсем неудивительно – мало им было жесткого марш-броска до места, где спрятаны машины, так еще и Полковник приказал срочно собираться и покидать город, пока солнце не встало. Ладно хоть в сентябре ночь достаточно длинная, успели.

Всем было очевидно, что скоро придется искать место для ночевки. А точнее для дневки. Теперь их время наступает, когда на землю опускается тьма, и лучше оказаться в укрытии до того, как солнце поднимется и вступит в свои права.

Раньше Тукаевский район являлся густонаселенным местом, и по идее, они должны были без проблем найти хотя бы пару домов, оставшихся целыми. А что до тесноты, так за годы, проведенные в подземных переходах, они к ней привыкли.

Скорее даже наоборот, люди успели отвыкнуть от открытого пространства. Первое время Азат замечал за собой, что побаивается смотреть на небо, которое всем остальным давно заметил растрескавшийся потолок со светодиодными лампочками вместо звезд. Иногда даже возникало ощущение, что он падает вверх, глупо как-то.

Но ничего, привык.

– Хреново мне, – сказал вдруг Шмель – тот, что сидел за рулем.

– Что такое? – посмотрел на него лейтенант. – Тошнит, что ли?

– Нет, – помотал тот головой. – Хреново, бежим мы из города, будто крысы. Бросили всех.

– А кого спасать-то? Коммунистов, что ли? Или моджахедов? – спросил старший в группе.

– Да почему. Наших. «Конфедератских».

– Наших? – усмехнулся лейтенант. – Ты же сам понимаешь, что в машинах места мало, едва на всех наших хватило. Да и, знаешь... Наши-то они вроде и наши. А где они были, когда исламисты пытались переход взять? У них ведь была целая ночь, могли прислать людей. Но нет, тряслись за свои шкуры, надеялись, что мы сами справимся. А я в итоге шесть человек потерял. И пацана того убили, Колю.

– Все равно ведь наши, – пожал плечами Азат. – Знаешь, я считаю, Полковник и об этом подумал. Сейчас выедем из города, найдем более-менее чистое место для жилья, обустроимся. А потом рванем назад и вывезем всех из города. Чтобы им не сидеть там в норах, как крысы.

– Если их не перережут раньше, – ответил водитель, поворачивая руль. – Сам ведь понимаешь, мы в городе оставляем целый отряд спятивших военных. По совместительству хозяев машин, на которых мы сейчас едем. Как по-твоему, что они подумают, когда узнают, что их драгоценный транспорт украли?

– Что это сделал кто-то из городских. – Башкир посмотрел в окно.

– Вот именно. И я почему-то уверен, что они станут этих городских искать.

– Так что Полковник правильно приказал собираться и уезжать, – не преминул вставить свои два слова лейтенант. – Тут скоро бойня будет.

– И от этого только хуже. – Шмель помотал головой. – Гадко.

Машина подпрыгивала на кочках, разбрызгивая в разные стороны грязь.

Если по грунтовой дороге не ездить двадцать лет, то трава ничего от нее не оставит. Природа вынослива и обладает поразительной силой, тонкие стебли пробиваются даже через асфальт, что ей просто укатанная колесами земля? За два-три года тут было бы чистое и бескрайнее поле.

Только вот то, что загнало людей под землю, убило и большинство растений кроме тех, что смогли измениться и приспособиться, вроде хищных фикусов, что причудливыми выюнами покрывали стены жилых домов. Или папоротника с «Ипподрома», про который столько рассказывали. Да и не только рассказывали, Азату довелось увидеть его жертв своими глазами.

Сейчас ему даже казалось, что он видит на размокшей земле колею двадцатилетней давности. Возможно, что они сами ее и оставили, когда гнали машины в сторону «Домостроителей».

– Так и не заасфальтировали, – вздохнул башкир.

– Дорогу-то? – спросил Шмель. – А что такое, бывал тут?

– Да, у дядьки дом здесь был. Я тогда в институте учился, а по выходным к родственникам ездил, помогал. Знаешь, как сейчас помню, каждый раз себе клялся, что больше не поеду. Каждый раз слышал «Приезжай, Азат, шашлыков пожарим, в баню сходим, самогоном тебя угощу», а как приезжал, так мне вручали рваные галоши, лопату, два ведра да перчатки... Хотя

перчатки не всегда. А потом – племян, помоги выкопать канаву, надо водопровод утеплить, или помоги перетаскать песок, чтобы подушку сделать. Или септик вырой.

– Напрягали тебя дядя? – усмехнулся Ершов – пятый из группы «Булат», до этого молча смотревший в окно.

– Один дядя, – поправил его Азат. – Но, знаешь, что самое смешное? Он ведь мог прямо сказать, мол, надо помочь. Я разве отказался бы? Но ведь нет, приглашали меня именно отдохнуть, а поработать предлагали будто бы между прочим. Только вот после этой работы я никакому отдыху не рад был, хотелось лечь и умереть. Руки до крови содраны, на ногах мозоли от этих драных галош, сам весь в пыли. Там уж хоть баня, хоть водка, да хоть бы дядька и девок притащил – никакого удовольствия не получаешь.

– А чего они рабочих не нанимали? – спросил лейтенант. – Они ж быстрее и качественнее справились бы, чем студент.

– Ну так рабочим платить надо, – улыбнулся башкир. – Нет, нанимали, конечно, но на более трудные дела – печь там сложить, комнату отделать. Он ведь и пытался нас заставить чистовой пол отшлифовать, только мы испортили участок у самого входа, забил, да вызвал рабочего. Зато окна мы сами ставили, по уровню. Только лишнее бревно из сруба вырезали.

– Это как? – заинтересовался Ершов.

– Да не рассчитали. Как сейчас помню, брату кричу, чтобы прекращал пилить, а он не слышит, бензопила громкая. Когда понял, что произошло, мотор заглушил, бросил инструмент и за голову схватился. А потом приезжает дядька с двумя длинными такими трубами из утеплителя, для шлангов. И брат как скажет – все, сейчас батя нам их в задницы засунет.

Мужики засмеялись. Даже Шмель, который, похоже, был подавлен.

– Но удивляло меня не это. – Азат уже сам не понимал, почему продолжает болтать. – Почему они вместо рабочей одежды использовали старые вещи? Я уже тогда понимал, что можно пойти в магазин и купить хорошую спецовку за копейки. В крайнем случае охотничий костюм, «горку» ту же самую. Тогда ведь работать сразу гораздо удобнее станет. А старой одежде место в переработке. Ну или можно ее на мусорку выбросить, пусть бомжи одеваются...

И вдруг замолчал. Помотал головой, посмотрел в окно.

Им теперь всем приходится одеваться в старое шмотье. Разве что не всегда ношеное. По квартирам да гардеробам рыться невыгодно, лучше зайти на любой из рынков и вскрыть какой-нибудь из павильончиков.

Одежды много, на каждого выжившего минимум по три-четыре десятка комплектов. Хватит на всю жизнь, да и не успеет ничего сноситься. Скорее всего, шмотки просто сгниют на складах.

– А как думаете, – спросил Шмель, продолжая гнать машину прочь от города. – Что мы там носить будем? За городом-то магазинов и рынков нет. Станем в шкуры одеваться?

– Скорее экспедиции в город организовывать. – Лейтенант вынул из внутреннего кармана сигарету и принялся разминать ее между пальцами. То, что на них не было противогазов, провоцировало старшего в группе закурить, но он прекрасно понимал, что дым из герметичного салона машины никуда не денется. – Овощи выращивать можно и там, семена мы взяли. Охотиться тоже – уверен, что не все животные мутировали. Да и кроли наши никуда не делись. А вот одежду... Проще собраться, на машинах в город поехать и подломить какой-нибудь рынок. Опасно, конечно, но других вариантов нет.

– Так не наездишься на машинах без топлива.

– Ну «пришлые» же где-то топливо берут. Думаю, добычу и переработку наладить мы сможем, в конце концов, у нас тут настоящий бурильщик есть. – Старший сунул сигарету в зубы и хлопнул Азата по плечу. – Что думаешь, справимся?

– Нашли бурильщика, – мрачно ответил башкир. – Думаешь, у меня за двадцать лет хоть что-нибудь в голове осталось? С переработкой-то хрен с ним, с помощью учебника химии

«семьдесят шестой» мы всегда выгоним, а вот добыча... Если только удастся законсервированную скважину запустить, и то есть риск напортачить и получить газовый факел. Или оборудование обрушится из-за гидравлического удара. Если оно, конечно, простояло там двадцать лет.

– Вот, видишь, настоящий бурильщик, – проговорил Ершов. – Значит, шансы есть.

– Мы еще большую Шильну не проехали, а вы уже успели нефтедобычу начать, – пробормотал Шмель и резко повернул руль, выгоняя «УАЗ» на в хлам разбитую асфальтовую дорогу.

– Как фон? – вновь обратился лейтенант к Баранову, приоткрыв окно.

– Растет, – ответил тот. – Медленно, но поднимается.

– Мы что, к эпицентру едем? – спросил Азат, отвлекшись от разглядывания носков своих сапог.

– Не, ты чего, взрыв совсем в другой стороне был, там, где завод стоял, – помотал головой Шмель. – А тут, скорее всего, радиоактивный след прошел. Город же специально строили, ориентируясь по розе ветров так, чтобы всякое дерьмо с заводов уходило не в сторону жилых кварталов.

– Звучит логично, – кивнул лейтенант. – Может, нам и повезло еще, что в городе не так фонит. Иначе по переходам не убереглись бы.

– Повезло, – усмехнулся водитель. – Всем бы такое везение – двадцать лет под землей просидеть.

– Лучше так, чем костяками на проспектах да по квартирам лежать, – пожал плечами Азат. – Вы мне лучше вот что скажите. Как думаете, живы ли в других городах? Ну тут, по Татарстану – Казань та же, Альметьевск... И что с маленькими городами, которые никто не бомбил? Мензелинск там, Азнакаево, Лаишево?

– Мелкие живы наверняка. – Лейтенант пожал плечами. – Хреново, конечно, но жить должны. А вот в больших городах, думаю, все как у нас – сидят под землей и вылезти боятся.

– Про Мензелинск, думаю, скоро узнаем, – заметил Шмель. – В этой стороне нам больше некуда ехать, дальше водохранилище...

– Ага, большое, – кивнул Азат. – И рыбалка там отличная была. У друга отец постоянно с лодкой ездил...

– Сейчас там вряд ли что-то путное поймаете, – усмехнулся лейтенант. – Я вот за двадцать лет всего одну рыбу видел.

– Это что за рыбу? – заинтересовался башкир.

– Да сома, что по Мелекеске плавает. Давно еще, года три или четыре назад, я с тогда еще старым «Булатом» отправился... Вот его, знаешь, только на якорях ловить, как в мультиках. А в качестве наживки, наверное, целого человека использовать.

– Что же он жрет-то?

– Да, есть там рыба наверняка, мелче только. И что в воду падает, тоже жрет. Шарков, может. Планктон, или что там сейчас вместо него.

– Шарков и мы ели. – Водитель улыбнулся. – И ничего, не хуже довоенных раков. Пива только не хватало, знаешь...

– Не напоминай! – Азат даже прикрикнул, помотав головой.

В свое время он был любителем выпить пару банок под хорошую закуску и теперь сильно страдал без пенного напитка. Крепкое на складах магазинов и по домам двадцать лет простояло и хуже не стало, и еще столько же простоит. Хотя, конечно, людям приходилось пить суррогат – и запасы алкоголя истощились, да и дорог он был.

– Самогон поперек горла стоит, брага эта вонючая тоже, – продолжил башкир. – Пива хочется, знаешь, легкого какого-нибудь, светлого. Чтобы хлебом пахло.

– Ага... – согласился Ершов. – Как думаешь, может, варят где-нибудь?

– А черт его знает. Если хлеб выращивают, то и пиво варят, наверное. Доехать бы только туда.

– Варить пиво лучше, чем добывать нефть, – усмехнулся водитель.

– А еще лучше делать и то, и то, – сказал Азат.

– И со свистом, – добавил лейтенант.

Все посмеялись немудреной шутке командира. Веселье было прервано голосом Полковника, прорвавшимся сквозь шипение рации.

– Полковник вызывает лейтенанта. Повторяю, Полковник вызывает лейтенанта.

Тот мгновенно собрался, убрал с лица следы улыбки и надавил на тангенту.

– Я слушаю, прием.

– Солнце уже скоро встать должно, мы поздно выехали. Начинайте искать место под дневку. Под землю мы тут не заберемся, но найти какой-нибудь сохранившийся дом можно. Как поняли, прием?

– Вас понял, – ответил лейтенант. – Ищем здание, где можно разместить всех.

– Отбой.

Азат посмотрел в окно. Развалившиеся за двадцать лет избы какой-то из многочисленных деревушек вряд ли могли стать надежным пристанищем для беженцев, и в целом зрелище оказалось достаточно печальным, едва ли не хуже мертвого города.

– А если дальше поехать, пока как можно дальше от Челнов не окажемся? – спросил он. – Вдруг здесь днем безопаснее, чем в городе?

– Нет, – мотнул головой лейтенант. – Сейчас надо останавливаться, Полковник прав. А если днем здесь безопаснее, то ездить действительно стоит только по ночам.

– Почему? – не понял башкир.

– Да потому что если ночью тут бродят твари, то лихие люди сидят по базам и носы высунуть боятся, – ответил за командира Шмель. – А вот днем они вполне могут и свои вопросы решать. А судя по «пришлым», люди тут живут более чем лихие.

Глава 2

Назад в школу

По левую сторону от дороги стояли хлева, которые обветшали за двадцать лет без должного ухода, но разваливаться не собирались. По правую раскинулась деревня из практически одинаковых одноэтажных кирпичных домиков. Они сохранились гораздо лучше, чем встреченные ранее деревянные избы, и беженцы вполне могли разместиться в нескольких таких.

– Осмотрим, командир? – спросил Ершов.

– Поворачивай, – согласился лейтенант. – Только желательно нам вместе в одном здании устроиться. Оборонять легче, если что.

– Интересно, а где все жители? – задумчиво пробормотал Баранов, разглядывая мелькающие за окном покосившиеся заборы и ворота.

Если к кирпичным коробкам время оказалось относительно благосклонно, то с легкими металлическими конструкциями обошлось беспощадно.

– Вот человек, а, – заметил Шмель, выворачивая руль. – Сам же с прибором снаружи стоял. След радиоактивный над этими местами прошел, фонит тут, вот люди и ушли.

– А откуда у селян приборы? – не понял Баранов.

– А им приборы и не нужны, – проговорил лейтенант. – Если несколько лет облучаться, то почувствуешь и без всего. Сам же знаешь, что с мародерами бывает, а они еще большую часть времени в убежище проводят. А вообще, похоже, немаленькая деревня была. Человек пятьсот тут жило?

– Село, – поправил Азат и указал на здание за окном. – Мечеть была, значит – село, не деревня.

Мечеть была маленькая, совсем не похожая ни на казанский Кул-Шариф, ни на челнинский Нур-Ихлас, который выглядел гораздо скромнее. Обычная деревянная коробка, когда-то выкрашенная синей краской, сейчас облупившейся. Еще и невысокий минарет развалился, проломив крышу так, что из здания торчала только верхушка с полумесяцем, который смотрел куда-то вверх вместо того, чтобы указывать на юг, в сторону Мекки.

– Ну да, – задумчиво пробормотал лейтенант и почесал голову. – Однако.

– Смотри, командир, – проговорил Ершов, показывая на кирпичное здание, которые было гораздо больше остальных.

Приземистая двухэтажка вполне могла вместить всех беженцев. Раньше в ней, без сомнения, располагалась сельская школа – одна из немногих, что сохранились, несмотря на все старания реформаторов. Здесь без нее было вообще никуда, до Челнов по прямой – тридцать километров, до Мензелинска еще больше, да и район уже другой. Нужно ведь детям где-то учиться, верно? А их наверняка приходилось на автобусе по деревням собирать.

– Осмотримся? – спросил водитель.

– Останавливай, – ответил командир и вновь взялся за рацию. – Сейчас старика обрадую, что нашли место для дневки, и внутрь пойдём, проверить. Мало ли кто там гнездышко свил?

* * *

Через несколько минут основная часть конвоя уже догнала головную машину. Бойцы «Булата» успели выгрузиться и осмотреть здание школы снаружи и прилегающую территорию, и не увидели ничего подозрительного. Не было там ни признаков жизнедеятельности людей вроде случайно оброненного мусора или кострищ, ни следов животных. Даже дорожек вездесущих крыс.

Территория, выбранная для дневки, казалась совсем безжизненной. Что было достаточно странно на фоне в общем-то невысокого уровня радиации. Если уж в Челнах, которые и химией, и вирусами обработали, бурлило уродливое подобие жизни, то местное затишье казалось чем-то совсем неестественным. И подозрительным.

– Уж слишком тихо, – проговорил Полковник, покинувший «УАЗ», в котором ехал. – Лейтенант, уверен, что стоит здесь остановиться?

– Да, – кивнул тот. – Еще полчаса, и совсем светло будет. Ничего лучше найти не успеем, а так здание снаружи осмотрели – оно в неплохом состоянии. Решетки на окнах есть, проржавели, конечно, но все еще крепкие. Стекла целые; крыша, правда, протекла, но на первом этаже должно быть сухо.

– Ну да. Ладно, давайте так – вы идете внутрь, все хорошенько проверяете. Если все нормально, то устраиваем гражданских, разбираем караулы и прочее. Мы снаружи пока подождем.

– Есть, – без особого рвения ответил лейтенант и пожал плечами.

Полного соблюдения субординации от него давно уже никто не требовал, тем более что военная служба их слишком затянулась. Но ничего другого и придумать было нельзя, Полковник прав, гражданских следовало разместить как можно скорее.

А еще лучше – накормить и обогреть. То, что сейчас творилось у беженцев в головах, можно сравнить только с хаосом первых дней после Катастрофы. Еще бы – заставили сорваться с места, где они прожили более-менее спокойно почти два десятка лет, и теперь везут в неизвестность. А вокруг больше не уютные коридоры бетонного убежища, но открытый воздух. И что еще хуже – впереди непонятные перспективы.

Короче, нужно было как можно скорее дать им передышку, иначе и до бунта недалеко.

– За мной, – приказал лейтенант и двинулся к металлической двери, за которой и скрылся вход в школу.

Вся группа, включая Азата, немедленно отправилась следом. Поднявшись на крыльцо, командир приказал приготовиться к возможному огневому контакту, сам взялся одной рукой за дверную ручку и потянул ее на себя.

Дверь с оглушительным лязгом распахнулась и Баранов нырнул в темный проем, на ходу включая подствольный фонарик. Остальные члены группы двинулись следом, отчего в холле мгновенно стало тесно.

У башкира подствольного фонаря не было, ему пришлось довольствоваться обычным светодиодным, закрепленным на лямке рюкзака. Как самый неопытный боец, он шел в центре. Еще в первый их совместный с группой выход Азату вдолбили, что главная его обязанность – вовремя заметить опасность и обратить на нее внимание старших по званию.

Но здесь все было спокойно. Темно, конечно, и пыльно. В большом мутном зеркале, висевшем на стене, мелькали отблески фонариков, но в целом ничего подозрительного не наблюдалось.

– Даже крысиных дорожек нет, – восхищенно пробормотал Шмель, мазнув лучом фонаря по полу, сколоченному из крепко сбитых между собой досок, которые после этого покрыли слоем оранжевой краски. – В Челнах, куда не зайдешь – везде их следы в пыли да дерьмо валяется. Чего ж тут такое-то, что даже эти твари не живут?

– Фон нормальный, – заметил Ершов, бросив взгляд на экранчик прибора. – Нет, не идеальный, чуть-чуть высоковат, но не намного выше, чем у нас в переходе был.

– Это нормально, – кивнул лейтенант. – Окна и решетки все целы, дверь давно не открывалась, подкопов тоже не видно. И вокруг здания следов нет. Похоже, здесь действительно пусто. Вот что, давайте-ка посмотримся по-быстрому да на выход. Жаль, что не осветить все толком... Хотя, как солнце поднимется, должно светлее стать.

Холл разделялся на два коридора, уходивших в противоположные стороны. В центре же была лестница, ведущая на второй этаж, а рядом с ней – маленький закуток гардероба, ограниченный решетками от пола и до самого потолка. Большая часть вешалок все еще держалась, и Азат решил, что это хорошо: значит, потолок не пропитан просачивающейся через крышу водой и риск, что он свалится на головы беженцам, минимален.

И тут же стоял стол вахтера, настолько древний с виду, что башкир удивился, как же этот продукт взаимодействия отходов деревообработки и гения советских инженеров до сих пор не развалился. Стула вот на положенном месте не имелось, что само по себе еще ни о чем не говорило.

– Проверим? – предложил Азат, указав на стол. – Там ключи должны быть.

– Давай, – ответил командир. – Мы прикрываем.

Было не по себе выходить из освещенного фонариками круга, но выбора не было. Усилиями воли подавив проснувшийся в глубине души мандраж, Азат двинулся к посту вахтера, стараясь ступать как учили, чтобы не производить шума – мягко перекатываясь с пятки на носок.

Это не помогало: доски под ногами нещадно скрипели. Сейчас башкир был уверен, что пол здесь не отличался особым качеством и в то время, когда школа работала. А уже теперь, после двадцати лет без отопления, хорошо, что он вообще не сгнил и не провалился.

Добравшись до стола, Азат дернул на себя ящик и удовлетворенно усмехнулся, увидев то, что искал – ключи, лежавшие в специальных ячейках. К каждому прилагалась самодельная картонная бирка с номерами классов. Здание было совсем небольшим, и ключей едва ли нашлось полтора десятка, и это если считать спортзал, библиотеку и учительскую. Сколько тут человек училось? Хотя бы сто набирали, интересно?

Помимо ключей в ящике стола нашлась рассыпающаяся под пальцами тетрадь, но перелистнув пару страниц, Азат не увидел ничего, кроме дат, фамилий и автографов. Это был журнал, в котором персонал школы расписывался за ключи; башкир даже немного расстроился – он надеялся, что найдет записи, которые смогут прояснить, что именно случилось в Калмии и куда делись все люди.

Не придумав ничего лучше, чем сгрести все найденные ключи в ладонь, он вернулся к группе. Лейтенант задумчиво осмотрел находку и забрал себе те, на бирках которых были нацарапаны номера с двадцать первого по двадцать седьмой.

– Здесь что, тридцать классов почти? – спросил Шмель, заглянув через плечо командира.

– Это второй этаж, скорее всего, – ответил тот. – Ладно, Азат, Баранов, осмотрите первый этаж, мы займемся вторым. Шум не поднимать, если увидите что-то опасное – попытайтесь отойти без боя и дождаться нас. Если что-то непонятное... Короче, вместе разберемся.

– Как обычно, командир, – усмехнулся Леха Баранов. – Без проблем.

Лейтенант, Ершов и Шмель отправились наверх. Оставшись вдвоем, бойцы, не совещаясь, двинулись в самый конец левого коридора. Азат выбрал ключ, номер на котором совпадал с тем, что был на двери, вставил в замок и не без труда провернул. Похоже, что в последний раз класс открывали очень давно: механизм работал с громким лязгом, а значит, успел порядком проржаветь.

Остальные ключи Азат ссыпал в один из пустых карманов, чтобы освободить руки, взял автомат на изготовку и потянул на себя дверную ручку. Створка со скрипом открылась, дав разведчикам доступ в темное и пыльное помещение.

Черная, порядком обшарпанная доска, парты, на которых уже успело оставить росписи не одно поколение школьников, стулья, своим внешним видом показывающие, что их создателю были чужды понятия об удобстве и эргономике. Ничего необычного. Азат сам ходил в точно такую же школу, учился точно в таком же классе, разве что было это в Башкирии, под Белебеем.

Судя по толстому слою пыли, сюда не заходили уже много лет. Причем не только люди, но и животные: не было дыр, сквозь которые могли бы просочиться вездесущие грызуны. А ведь дома к ним нет-нет, да заползали погреться крысы, особенно в холодные зимы.

Баранов двинулся в сторону шкафов, будто хотел проверить, не прячется ли кто-нибудь за ними. Азат же пошел к доске, провел пальцем по покрытой пылью поверхности. На секунду его в голову пришла мысль написать бранное слово на башкирском, но тут его внимание привлекла оконная рама.

– Смотри. – Он показал напарнику пальцем на окно.

– Что такое? – спросил Леха, уставившись в указанном башкиром направлении, но, похоже, не понял, что тот имел в виду. – Ну, автобус стоит, да. Полковник ходит...

– Да не туда смотри. Окна проклеены.

– Ну да. Сам посмотри, какие тут щели в рамах, сквозить должно так, что насмерть замерзнуть можно.

– Летом, что ли? – прищурился Азат. – Война летом была, забыл?

– Ну, может, с зимы оставили? – пожал плечами Баранов.

– Не, – уверенно помотал головой башкир. – Деревенские так не оставили бы. Тут наверняка убирались после последнего звонка, окна мыли. А значит, проклеивали их уже летом. Перед самым началом Войны.

– А зачем? Кто такую дыру бомбить-то будет?

– Черт его знает, наверное, укрываться тут собирались. А вообще, они не так уж ошиблись. Сам видишь – след здесь прошел, на улице фонит, а в здании уже не так сильно. Может, начальство сказало клеить, и никуда не денешься. Сам же в курсе, как у нас это работает.

– Работало, – кивнул Баранов. – Ладно, думаю, мы тут ничего особенного не увидим. Давай осмотрим остальные классы по-быстрому. Если здесь колхозники укрывались, наверняка найдем следы. А если не успели спрятаться, может, запасы какие отыщутся.

– Ага, сейчас только запасы искать осталось, – усмехнулся башкир. – Учитывая, сколько на «Домиках» бросили. А здесь мы точно не поселимся – фон, да и жить нечем. Ни хозяйство не завести, ни поле вспахать. Разве что Ик рядом, но что там с водой сейчас...

– Какой еще Ик? – не понял здоровяк.

– Камы приток, – ответил Азат. – Большая река, в Каму впадает.

– Ладно, хрен с ней, с географией. Пошли остальные классы проверим, а то люди, наверное, задолбались уже в машинах сидеть.

Теперь они не тратили время на детальный осмотр: только открыть класс, убедиться, что внутри нет ничего опасного, и запереть дверь. На третьей Баранов вспомнил, что у него в кармане разгрузки есть масленка, и дело пошло веселее – пару капель в сам замок да еще по несколько в петли, и скрип становился гораздо тише.

Второй класс ничем не отличался от первого. А по третьему стало ясно, что люди пытались здесь укрываться: парты оказались аккуратно расставлены у стены, а на полу были уложены несколько матрасов.

Азат вошел в помещение и удивился, насколько неуютно он себя там почувствовал. Даже в брошенных квартирах такого не бывало, особенно если рядом не наблюдалось истлевших трупов их бывших хозяев. Но все равно, в жилых комнатах сохранялось некоторое подобие уюта.

Здесь же такого не было. Как бы ни пытались деревенские жители обжить школьный класс, ничего у них не вышло. Выглядели матрасы, да и шмотки, валяющиеся на полу, неуместно, будто африканские ритуальные танцы в мечети.

Баранов наклонился, взял в руки банку консервов и, задумчиво хмыкнув, повертел ее в ладонях. Азата заинтересовало другое – пятна засохшей крови в изголовье одного из лежаков.

– Смотри, – показал он напарнику. – Кровь.

– И тут, – заметил тот, быстро оглядев остальные матрасы и отбросив банку в сторону. – И желтые пятна какие-то. Кто бы тут ни укрывался, им, по ходу, совсем нехорошо было.

– Похоже на то, – согласился башкир. – Неуютно мне здесь, знаешь.

– Чувствуешь, будто наблюдает кто-то? – прищурившись, спросил Баранов.

– Не, такого нет, – помотал головой Азат. – Знаешь, просто неуютно. Другое место нам искать надо.

– Это уже не нам решать, пусть Полковник с лейтенантом думают, у них головы большие и умные. Пошли дальше смотреть.

Башкиру оставалось только согласиться. В каждом из следующих кабинетов они находили признаки того, что здесь пытались жить. Матрасы, одежду, книги, даже игрушки и электронные гаджеты, никак не реагирующие на нажатие кнопок питания. Часть лежаков была заляпана бурым, на некоторых их дополняли пятна другого рода – наверняка от рвоты, мочи или фекалий.

Все это укладывалось в уже отчетливо представляющуюся картину того, как забившиеся в убежище колхозники медленно умирают от лучевой болезни. Однако одна деталь никак не давала ему покоя.

Куда же делись трупы? Не могли ведь они за двадцать лет рассыпаться в прах, кости в любом случае должны были сохраниться.

Азат подошел к последней из непроверенных ими дверей, запустил руку в карман и не нащупал ключа. Он оставлял их в отомкнутых замках, чтобы не запутаться. К тому же если они решат остаться здесь на дневку, то классы ведь все равно придется еще раз открывать.

Похлопал себя по карману и убедился, что ключ не провалился в какую-нибудь дырку и не зацепился за складку. Но нет, его не было.

– Что такое? – спросил Баранов.

– От этой двери ключа не было, – кивнул башкир на створку с намалеванным на ней белой краской номером семнадцать.

– Уверен, что не обронил? – спросил здоровяк.

– Точно. Может, выйдем наружу, попытаемся в окно заглянуть? – предложил Азат.

Но Баранов уже все решил. Сделал два шага назад, прищурившись, посмотрел на дверь, будто примеривался.

– Эй, лейтенант сказал не шуметь... – только и успел проговорить башкир, когда его напарник размахнулся и саданул тяжелым армейским ботинком в область замка.

Последние слова Азата были напрочь заглушены треском ломающейся древесины, но дверь устояла, потому что открывалась наружу. Башкир хотел было предложить сходить до машины, где наверняка нашелся бы ломик, но Баранов решил так просто не сдаваться и долбанул во второй раз, похоже, гораздо сильнее.

Вновь хрустнуло дерево, какая-то деталь замка, жалобно звякнув, упала на пол. Боец рванул на себя дверь, открывая ее, и недобро помотал головой.

Вот и трупы нашлись. По крайней мере один – прямо у входа в класс валялась куча человеческих костей, а к дверной ручке была примотан галстук когда-то веселенькой розовой расцветки.

Азат повернулся на звуки шагов, махнул лейтенанту и остальным рукой, мол, все в порядке. Те, замедлившись, подошли и остановились, разглядывая открывшееся им зрелище.

– Это насколько надо жить не хотеть, чтобы на дверной ручке повеситься? – пробормотал Шмель.

Ничего более подходящего самоубийца, кем бы он ни был, не нашел. Класс освещался ртутными лампами, и крюка для люстры в нем не было. Радиатор отопления висел слишком низко. Еще, похоже, бедняга пытался использовать гардину, но крепления не выдержали его веса.

Лейтенант отодвинул в сторону Азата и вошел в комнату, освещая ее фонариком. Мрачно посмотрел на разложенную в углу кучу тряпья, помотал головой.

– Надо будет забаррикадировать дверь, чтобы сюда никто из наших не вошел, – сказал он. – Не дай бог, кто-нибудь из детей увидит это.

– Это? – спросил Баранов, сделал шаг в комнату и сказал. – А вот и колхозники, – после чего громко выругался.

Азат воспринял это как разрешение и вошел в класс, следом за ним двинулись и остальные члены разведгруппы. Их глазам открылось удручающее зрелище: на прогнивших матрасах под полуистлевшим одеялом лежали три скелета. Один принадлежал взрослому человеку, а еще два – детям, если судить по размерам костей.

– Что же тут произошло, – пробормотал башкир.

– Что-то, – ответил Шмель, мрачно нахмурившись. – Все умерли.

Лейтенант взял со стола валявшуюся на нем длинную указку и подошел к матрасам. Аккуратно подцепил кусок одеяла, оттянул его в сторону, открыв взглядам своих товарищей три практически голых скелета. Похоже, что в помещении оказалось достаточно тепло, чтобы трупы начали гнить, но недостаточно сухо, чтобы мумифицировались.

– Женщина, – сказал лейтенант. – И два ребенка, скорее всего – мальчик и девочка.

– Это ты по скелетам определил? – спросил Баранов.

– Да. По тазовым костям, – ответил тот. У женщин таз пошире и другой формы. У детей разобраться сложнее, но скорее всего так.

Азат тем временем подошел к учительскому столу и открыл верхний ящик, в котором оказались классный журнал в картонной папке и два ключа. На бирке того, что поменьше, была нацарапана цифра семнадцать, на втором – слово «спортзал».

Башкир сгреб оба ключа в карман, вытащил журнал, положил на стол и раскрыл.

И ни капли не удивился тому, что фамилий и оценок в нем не было.

Аккуратно, стараясь не порвать тонких пожелтевших от времени страниц, перелистнул несколько, вчитался в мелкий убогий почерк, выхватывая даты и описания событий, раз-вернувшихся здесь более двадцати лет назад.

6 июля 2013.

Это все-таки случилось. Никто не верил, что все закончится так, даже когда нас заставили летом оклеивать оконные стекла, а к школе подогнали целый грузовик с консервами. Да, даже когда нас загнали в школу, закрыли дверь, поставив на охрану Диму – местного участкового, да приказали занавесить окна, все думали, что это очередные учения.

Вспышка просветила даже сквозь плотные занавески, Ильдус – сторож, который из любопытства полез смотреть, что там такое сверкает, теперь лежит в медпункте с перевязанными глазами. Женя говорит, что вряд ли он снова когда-нибудь сможет видеть.

Я тоже не выдержала, посмотрела. Над Челнами ядерный гриб, возможно, не один. Куда же пойдет след?

8 июля 2013.

Все произошло, как я и думала. Ветер с завода всегда дул в нашу сторону. Вот и сейчас вышло так же. Ринат Исламович выбрался на крышу и померил фон, после чего приказал закрыть вентиляцию плотной бумагой. Говорит, без защиты на улице делать нечего – два-три часа, и лучевая третьей степени обеспечена. Без лекарств – все равно, что смерть. А у нас только старые противогазы из кабинета ОБЖ.

Только вот он и внутри школы фон померил. Никому не сказал, только Жене. Похоже, ничего хорошего и тут.

Аня с Аликом боятся. Попыталась объяснить им, что мы тут ненадолго, что скоро придут спасатели и вывезут нас в безопасное место. Читала вслух им и еще троим ребятишкам. Больше чтобы себя успокоить.

9 июля 2013.

Целый день слушаем радио, ждем, пока объявят об эвакуации. По челнинским волнам – одни помехи. По экстренным частотам – тишина, будто умерли все.

Зато в Мензелинске, похоже, веселье. Они успели объявить себя суверенной территорией, а глава тамошней предложил всем взрослым мужчинам явиться к площади Ленина, чтобы получить направления на работы. Конечно, каждый дурак с ума сходит, как ему хочется, но тут уж совсем жутко.

Когда же объявятся спасатели?

11 июля 2013.

Похоже, что веселье закончилось. Прямо в эфире, как раз во время очередной проповеди «президента Мензелинской Суверенной Республики» кто-то ворвался в студию и начал пальбу. Потом что-то щелкнуло и трансляция прекратилась. Теперь там помехи, как и везде. Оборудование испортили или поубивали друг друга?

У нас вроде все устаканилось, дети успокоились. Даже слишком. Честно говоря, вялые они какие-то. А мне вот страшно. Не знаю почему, но страшно. Дышать иногда трудно становится, в груди сжимает и давит. Тошнило с утра, но это и от волнения может. Накручиваю я себя, вот и все. Ничего, Женя сказал, что фон должен быстро спастись. Тогда, если нас не эвакуируют, то сами доберемся до машин и уедем. Знать бы еще куда.

16 июля 2013.

Похоже, все совсем плохо. Ночью услышали выстрел из кабинета Рината Исламовича, мужики выбили дверь, а там он с дырой в виске и пистолетом в руке. Дима сказал, что он у него взял пистолет на ночное дежурство.

Ни записки, ни чего другого не оставил. Женя с Димой утащили тело и положили в спортзал, после этого долго о чем-то говорили. О чем – Женя не сказал. Ну ничего, он расскажет.

Но что такое случилось? Директор всегда спокойный был, как скала. А тут взял пистолет, поднялся наверх да застрелился.

18 июля 2013.

Женя все рассказал. Оказывается, в школе очень высокий фон, они с директором знали об этом, но никому не сообщили – понадеялись, что он упадет. Прямо над деревней прошел радиоактивный след. Он назвал дозу, но я в этих греях и звертах не понимаю. А мы тут уже почти две недели сидим.

Я прямо спросила – это много или мало. Он сказал, что много, но на улице еще больше. И что без защиты до машин никто не доберется, а ведь и сами машины фонят, а в них еще ехать.

Что же нам теперь делать?

20 июля 2013.

Аня температуры, уже 39, и никак не сбить. Женя унес ее в медпункт, не пускает меня к ней. Говорит, что просто простуда из-за того, что на холодном полу спала, но ведь на улице лето, хоть и такое. Да и не бывает простуды без насморка. А тут – просто температура и бред, даже горло не красное. Кашель, правда, есть, я слышу, когда прохожу мимо медпункта.

Остальным не легче. У кого-то понос без конца, чуть ли не кровью, кто-то кашляет. Держатся только участковый Дима и Женя.

Если он сегодня же не расскажет всем о радиации, я сама это сделаю.

21 июля.

Сегодня умерла Аня.

– Ну, чего там? – спросил лейтенант.

– Ничего хорошего, – ответил Азат, продолжая листать журнал. – Похоже, что действительно все умерли.

Почерк резко сменился на рваный и неразборчивый, наклон букв и нажим сильно отличались от того, что был на предыдущих страницах. Продолжение дневника несомненно писал совсем другой человек.

24 июля 2013.

Света совсем плоха – лежит и бредит. Разговаривает с Аней. Я пытаюсь делать, что могу – меняю под ней тряпки, колю анальгин с папаверином, физраствор. Перелил пол-литра своей крови, только ведь она тоже заражена, хоть я пока и в норме.

Остальные не лучшие. Похоже, что на ногах остались только я да мент Дима. Он все порывается уйти, да только куда там – если в школе такой фон, что люди за неделю схватили острую лучевую, то что снаружи творится?

Пока удастся его уговаривать, пытаюсь направить на что-то полезное. Сегодня заставил кашеварить – он наварил пшенки с тушенкой, и мы накормили людей. Правда, не уверен, что от этого будет особый толк – понос у всех, порой даже с кровью.

Умерли еще двое детей. Оттащил тела в тот же зал, куда мы раньше отнесли директора школы и Аню.

26 июля 2013.

Копался в школьном имуществе. Нашел в классе ОБЖ противорадиационный костюм. Надел и прошелся по деревне, покопался по полкам, погребам, собрал еду, перетащил в школу все лекарства, что нашлись. Вышло негусто, но у меня тут уже совсем голяк. Может, хоть еще несколько дней продержимся, но что-то мне подсказывает, что толку в этом нет...

27 июля 2013.

Дима сошел с ума. Наставил на меня пистолет, заставил отдать костюм и бежал. И самое хреновое, что я его понимаю – сам так же поступил бы, если б не Света с Аликом. Мертвых все больше, но я даже не запоминаю их лиц – заворачиваю в обдристанное и облеванное постельное белье и тащу в спортзал. Остальные уже не могут есть. Глюкоза еще осталась, буду колоть, пока не кончатся банки.

30 июля 2013.

Алику совсем туго. У него температура под сорок один, я вкатил ему двойную дозу «литички», но ничего не помогает. Колю цефтриаксон и дексаметазон, но сам не верю, что сработает.

2 августа 2013.

Я не знаю, зачем продолжаю это писать. Если вы читаете это, то знайте – сегодня мне пришлось нести труп родного сына. Света попеременно зовет их с Аней, обещает им, что все будет хорошо. Хотя, скорее всего, она действительно скоро отправится к ним.

И мне не дает покоя только один вопрос. Почему я? Почему из всех, кто тут оказался, я единственный сохранил силы и рассудок? За что мне такая ноша?

Я не могу им помочь. Я же даже не врач, а всего лишь фельдшер. А теперь больше похож на могильщика, потому что занимаюсь я только тем, что таскаю в спортзал трупы. Меня уже даже от запаха не выворачивает – привык.

Не ел уже два дня. Сегодня заставил себя открыть банку сайры, сожрал прямо так, а через час меня вырвало. Перед глазами постоянно темнеет, дышать тяжело. Не уверен, что завтра смогу встать.

7 августа 2013.

Я один. Совсем один. Света умерла два дня назад, но я держался. Пока был жив хоть кто-то еще, был смысл. Теперь нет.

Пошли вы все на...

– Это дневник, – пояснил наконец башкир. – Да, здесь действительно люди пытались спрятаться. Только прямо над деревней радиоактивный след прошел, и укрытие им не помогло. Все умерли. Этот, – кивнул он на кучу костей у двери. – Последний остался. Те, что на матрасах лежат, его семья. Остальные в спортзале сложены. Ключ от него тоже здесь.

– Ага, – сказал вдруг Баранов, поднимая с пола фотографию в дурацкой рамке в виде двух сердец, вылепленной из полимерной глины. Стер осевшую на ней пыль перчаткой. – Да, здесь фото.

Он неловко повертел рамку и не нашел ничего лучше, кроме как положить ее на парту.

– Я журнал возьму, покажем Полковнику, – сказал Азат, закрывая тетрадь и стаскивая со спины рюкзак.

– Не возражаю, – кивнул лейтенант. – Парни, давайте вынесем парты в коридор, дверь прикроем, да сложим их у проема, чтобы сюда так просто войти нельзя было. Не стоит этого никому видеть.

– В смысле? – поднял голову Шмель. – Мы, типа, тут останемся?

– А что делать? – посмотрел на него командир.

– Да валить надо отсюда. – Боец мотнул головой. – Вся деревня передохла хрен знает от чего, вот эта вот хрень и еще и полный спортзал трупов. Я вообще здесь ночевать желанием не горю.

– А что нам остается-то? – неожиданно спокойно спросил Баранов. – Солнце встало практически, на улице лучше не появляться. Здесь окна проклеены, плюс решетки, какое-никакое убежище. Да и здание самое крепкое на всю деревню.

– Да тут люди померли, алло, – продолжал стоять на своем Шмель. – Люди так просто не мрут. А значит, и нам тут безопасно.

– Да от лучевой они перемерли, написано же в журнале, что тут прямо над селом пятно прошло. – Лейтенант поморщился. – А это двадцать лет назад было. Сейчас уж фона-то нет.

– Чуть повыше, чем в переходе на «Домиках», – согласился Ершов, вновь уставившись в показания радиометра. – Думаю, где-нибудь на «Гренаде» или «Пожарном депо», поближе к заводу, с таким фоном и живут.

– Да и что тебе эти скелеты сделают, они высохли давно. Не трогай их, и нормально все будет, – поддержал товарища Баранов. – На «Домиках», блин, груды этих скелетов почти двадцать лет валялись, по ним буквально ходить приходилось, и это тебя не смущало. А тут вдруг задумываться стал.

– Все равно как-то это неправильно... – Шмель помолчал секунду, помотал головой и сказал: – Ладно, давайте действительно парты вынесем да вход забаррикадируем. А то пойдет какая-нибудь баба по нужде, шум подымет.

– Давайте только этого соберем и к семье положим, – пробормотал Азат, указав на висельника. – По-человечески похоронить мы их все равно не можем, так что пусть хоть вместе лежат...

– Ага, а через сорок лет здание развалится – вот тебе и курган будет, – невесело усмехнулся Шмель, но первым принялся собирать лежащие на полу кости.

Остальные молча присоединились к нему. Когда все фрагменты бедолаги были сложены на матрас, Азат укрыл упокоившуюся вместе семью одеялом, а сверху положил найденную Барановым фотографию в рамке.

Не удержался, бросил взгляд на изображение – здоровый и крепкий мужчина с коротко стриженными черными волосами и густой бородой, и женщина – светловолосая, бледная, худая. Серая мышь, иначе и не скажешь; наверное, и по профессии учительница, вот и почерк такой аккуратный.

Перевел взгляд на фото детей и почувствовал ком в горле. Мальчик и девчонка, похожие друг на друга, как близнецы, и удивительно непохожие при этом ни на мать, ни на отца. Судя по снимку, им едва ли можно было дать больше семи, впрочем, он мог быть сделан и задолго до дня, когда упали бомбы.

– Пошли, Азат, – сказал лейтенант. – Люди в машинах уже умаялись сидеть, им отдохнуть надо.

Башкир с трудом отвел взгляд от импровизированного захоронения, взялся за столешницу, противоположный конец которой уже успел схватить Баранов. На счет «раз» они подняли парту и потащили ее к выходу из класса.

Глава 3

Вы удобно устроились?

Жизнь в подземном переходе научила их приспосабливаться к практически любым условиям. Тем более что здание деревенской школы в сравнении с бетонной кишкой и парой технических коридоров казалось беженцам просто дворцом. Не королевским, но принадлежавшим не меньше чем зажиточному барону.

Через час они уже разместились в определенных под спальни школьных классах, и оставшиеся после прошлых обитателей матрасы пришлось как нельзя кстати: дрыхнуть на полу, пусть и деревянном, помимо того, что неудобно, еще и опасно для здоровья.

Ну а что школа не отапливается, так это пускай, натянули на себя свитера, шапки, да разлеглись. Дышать без противогаза можно, фон невысокий, даже вид из мутного окна какой-никакой есть, пусть и на заросшую кустарником площадку, в которой футбольное поле угадывалось только по торчащим аркам ворот.

Из еще одного класса тянуло аппетитным запахом вареного мяса. Там сейчас колдовали над припасами четыре женщины, перед которыми стояла очень сложная задача – накормить ораву почти в полсотни человек, стараясь при этом экономить продукты. Конечно, им было далеко до Иисуса Христа в деле кормления страждущих, но Азат не волновался за судьбу ужина. Судя по запаху, с ним все было более чем в порядке.

А вот из комнаты, куда направлялся башкир, пахло вовсе не так хорошо. Из-за того, что туалеты в школе не работали, один из классов пришлось отдать под клозет. Или, как выразился Баранов «под засирание».

Те, кто укрывался в школе раньше, и сами так поступили, разве что делали это несколько цивилизнее – пустили под горшки тазы и ведра. Весь этот инвентарь бойцы «Булата» обнаружили в одной из каморок, причем непосредственно после использования. Зрелище было неприглядное.

Беженцы за время поездки измаялись, поэтому в импровизированный туалет сразу же потянулся народ, и в течение всего часа оттуда доносились то журчание, то пердеж. Сейчас, когда поток постепенно иссяк, Азат решил, что ему самому нужно на оправку.

Выглядел класс неприятно, а пах и того хуже. Хорошо хоть мухи не летали – последнее, чего хотелось башкиру, так это отгонять от себя надоедливых насекомых, которые только что ползали по фекалиям.

На этом достоинства «туалета» заканчивались. Азат подошел к относительно чистому участку стены, расстегнул пряжку солдатского ремня, ширинку на джинсах, в которые успел переодеться, и принялся поливать стену.

– Знаешь, никогда в жизни не срал в школьном толчке, – услышал он за спиной голос Баранова.

– Я тоже. – Башкир усмехнулся и повернул голову. – Что, пришло время пробовать?

– Позже, может быть. Давай, заканчивай быстрее, и пошли в радиорубку.

– Я уже все. – Азат застегнул брюки и повернулся. – Жаль, руки вымыть нечем.

– Плюнь и разотри, я всегда так делаю, – пошутил Баранов.

А может быть, и нет.

Они двинулись на второй этаж в оперативный штаб, совмещенный с рубкой связистов. Полковник вполне резонно решил, что мониторинг радиопространства может помочь им найти обитаемые земли. Конечно, в городе ничего слышно не было, но тамошняя застройка – дело такое, везде сталь, бетон и высотки. Говорят, технари с «Молодежной» пытались поймать связь со спутником, множество которых наверняка до сих пор болталось на орбите.

Правда, смысл связываться с космическим мусором? Даже самые надежные из них давно уже выработали свой ресурс и наверняка сошли с траектории. Может, даже оказались притянуты Землей да сгорели в атмосфере.

Азат вдруг задумался: а что с МКС? Такой крупный объект не мог целиком сгореть.

Конечно, толку с него, пережившего столкновение с поверхностью Земли, не будет. Но интересно, сохранятся ли после падения кости астронавтов? И как эти люди отреагировали на начало войны, были ли с орбиты видны ядерные грибы и как зеленая планета превращается в выжженную атомным пламенем пустыню? Может, кто-то сделал записи?

И не передрались ли космонавты между собой? Они же точно такие же люди, из самых разных стран.

В небольшом актовом зале, в котором и разместили оперативный штаб, было достаточно просторно. Хватило места и для аппаратуры, и для карты, прикрепленной кнопками-флажками к пыльной шторе. И даже инвалид-колясочник Илья, который вместе с радистом занимался установкой рации, мог беспрепятственно передвигаться. В переходе у него это получалось далеко не везде.

Но стоило башкиру войти в комнату, как мысли о космосе тут же вылетели у него из головы, настолько напряженная здесь была атмосфера.

Помимо радиста, Ильи и Полковника, здесь собрался «Булат» в полном составе. Ничего хорошего это не предвещало, особенно с учетом того, что за окном давно рассвело.

– Все собрались? – Бывший комендант «Домостроителей» бросил взгляд на подчиненных и приказал радисту. – Включай.

Тот надавил на кнопку воспроизведения какого-то дурацкого черно-красного китайского магнитофона на батарейках. От него к рации шли тонкие провода. Похоже, кто-то, скорее всего Илья, попросту отломал микрофон, а к контактам на плате припаял параллельно выход с наушников рации.

– Крепость... Крепость, это Сокол... – послышался сквозь шипение искаженный болью мужской голос. – Крепость, это Сокол... аны врагом, вы меня слышите?

– Крепость, Сокол? – спросил Баранов. – В Челнах точно никто такими позывными не пользовался.

– Отставить разговоры, – прикрикнул Полковник. – Слушай лучше.

– Крепость... – вновь произнес голос. – Шома, если ты меня слышишь... Мы в Бияргане, нас зажали «речные», их слишком много... – Речь прервалась очередной порцией помех. Сквозь них Азат смог расслышать звуки, в которых однозначно узнавались выстрелы. – Шома... Богдану вскрыли живот, пришлось добить... Тим с Андрюхой держат вход, я ранен... Шома... – Внезапно помехи исчезли, а неизвестный, пытавшийся выйти на связь, произнес: – Передай Диме, чтобы не отправлял людей на поиски. Не лезьте к Двуречью. Отбой.

Передача прервалась. Через секунду из динамиков раздались бодрые электронные мотивы, поверх которых была наложена гармонь, и задорный баритон запел на татарском языке:

– Гармун сайрый сандугачтай, гармун сайрый, да сайрый...

Радист поспешно надавил на кнопку паузы, останавливая воспроизведение. Баранов заржал в голос, хоть в ситуации и не было ничего веселого.

– Ты другой кассеты не нашел? – спросил Азат. – Зачем так с Салават абыем?

– Ага, где ты сейчас кассеты на магнитной ленте найдешь? – резонно возразил Илья. – Они все на помойке уже давно.

Башкир посмотрел на Илью. Он помнил его еще совсем другим – худым и высоким. И очевидно, этот интеллигент-инженер был очень смелым парнем. Иначе не оказался бы одним из первых, кто стал ходить на поверхность и таскать оттуда полезные вещи. Сейчас их зовут мародерами, а тогда не звали никак. Иностранное «сталкер» как-то в Челнах не прижилось.

И помимо смелости у него, похоже, была нехилая сила воли. Азату совсем не хотелось представлять себя на месте инвалида. Да и как же должно быть тяжело не сломаться, а собраться, продолжить жить и найти в итоге для себя новый смысл. Мужик, конечно, заслуживал уважения, хоть одновременно с этим вызывал и жалость. Но все равно, без людей вокруг ему не выжить. Он не сможет драться, не сможет прокормить себя, даже выбраться из перехода самостоятельно – и то не сумеет.

И при этом Илья – единственный, кто нормально общался с Нельсоном, за исключением, может быть, самого Полковника. А ведь именно Нельсон ему ноги и отрезал.

– Да хрен с ним, с Салаватом. – Лейтенант подошел к карте, отыскал на ней Калмию, провел пальцем вверх до точки, отмеченной как Биюрган. – Крепость, Биюрган, Двуречье. Что за Двуречье? Тут на карте одна река. И то водохранилище.

– Я же рассказывал, это Кама. И Ик, – подал голос Азат.

– Думаешь, это и есть Двуречье? – Полковник нахмурился. – То самое, куда не следует лезть? А мы от него где?

– Километрах в пяти-шести, – прикинул по карте лейтенант.

– Надо идти, – сказал Шмель. – Посмотреть, может быть, кто-то выжил.

– Да ну его на хрен. – Азат мотнул головой. – По-моему, по записи и так понятно, что там выживших нет.

– Согласен с Никитой. – Лейтенант развернулся. – До Биюргана пешком можно за час дойти, даже если особо не торопиться. А так, если живых и не найдем, то, может, хоть следы. Разберемся, что это за «речные». Или какие-то другие указания, карты там... Это лучше, чем тыкаться, как будто слепые котята.

– А если положат нас? – спросил Баранов. – Может, на машине рванем, туда и обратно? По времени-то совсем ерунда выйдет.

– Ага, зато мотор слышно будет по всему району. Типа «кушать подано», – возразил Ершов.

– Да, там сейчас и так аншлаг должен быть, – заметил башкир. – Кстати, мы тут стрельбы что-то не слышали.

– Так пять километров, – пожал плечами радист. – Может, если специально вслушивались бы, то что-то и расслышали, а так...

– Ладно, – внезапно прервал бойцов «Булата» Полковник, до этого в диалоге не участвовавший. Парни замолчали – каждому было понятно, что заключительное слово здесь именно за стариком. – Пойти придется, да, и разумнее пешком. Возьмете с собой рацию, дальности должно хватить. На рожон не лезьте, в бой вступать только в самом крайнем случае. Все ясно?

– Так точно, – ответил лейтенант. – Разрешите приступить к выполнению?

– Разрешаю, – коротко кивнул тот.

– Тогда... – Командир разведгруппы посмотрел на часы. – Через двадцать минут собираемся в холле.

* * *

Азат тихонько приоткрыл дверь и вошел в класс, где разместили несколько семей – в том числе и его. Остальным «булатовцам» отвели отдельное помещение, но сейчас башкир предпочел бы, чтобы и его вещи лежали там. Это Полковник решил, что самому младшему бойцу – не по возрасту, а по стажу – стоит ночевать вместе с женой и сыновьями.

Встретившись взглядом с женой, Азат понял, что скандала не миновать. И устроить его Ландыш не помешает ни присутствие посторонних, ни дети.

Уперев взгляд в пол, он подошел к углу, в котором были сложены его вещи – тюк с химзой, противогазная сумка, бронежилет, разгрузка, рюкзак и автомат. Никто не запрещал ему

хранить оружие прямо так, все равно не тронут – даже дети понимают, что нельзя. Зато в случае форс-мажора добраться до ствола будет гораздо проще, чем ждать его выдачи из оружейки.

А пацаны все равно не возьмут – зачем им. У обоих уже свои есть, у Алмаза – старшего, которому в начале года стукнуло пятнадцать – тридцать четвертый «тозик». Сколько же труда стоило Азату объяснить ему, что не надо уродовать и так прекрасный в своей лаконичности образ охотничьего ружья, переделывая его в обрез. У младшего – тринадцатилетнего Ильгизара всего лишь ПМ. Но стрелять из автоматов пацанам уже приходилось, а с учетом обстоятельств никакого удовольствия им это не доставило.

Да что говорить, башкиру самому тогда было страшно. Когда лежишь за баррикадой, от асфальта вокруг тебя с визгом рикошетят пули, а ко входу в переход прорывается отряд фанатиков, вознамерившихся осчастливить всех постройкой царства шариата...

Но вот если бы не оружие, все они там и остались бы. А что тогда было бы с остальными, и думать страшно.

Единственное требование по хранению выразила как раз Ландыш – автомат она просила держать без примкнутого магазина и в запортом на ключ шкафу. Это было вполне разумно, но в школьном классе подходящего ящика не нашлось, поэтому «семьдесят четвертый» Азата стоял на полу, прислоненный к стене.

Башкир открыл баул, в котором была свернутая «химза», вытянул ее и разложил на полу. Расстегнул ремень, вытащил пистолетную кобуру, кинул на свой матрас.

– Куда собрались? – все-таки решилась подать голос жена. Спрашивала она на татарском, как и всегда, когда они разговаривали наедине.

– Тут недалеко, – уклончиво ответил Азат на том же языке, уселся на пол и принялся натягивать прорезиненные чулки. – Проверить кое-что надо.

– Да? А ничего, что солнце встало уже? Вы же не ходите днем.

Башкир скрипнул зубами, но промолчал. Ему самому не нравилась идея идти куда-то после рассвета. Черт с ним с излучением, но тут водиться может кто угодно, хоть в окрестностях их убежища и не нашлось следов. Да еще и «речные» эти...

Остальные уже обратили внимание на намечающийся скандал, наострили уши.

«Суки, хлеба и зрелищ вам, да», – подумал про себя Азат, чувствуя поднимающуюся в душе злобу на соседей.

– Ты же понимаешь, что я человек подневольный, да? – спросил он у жены, справившись с чулками. Встал, завязал тесьмы на пояском ремне, натянул перчатки, наклонился за плащом.

– Так, наверное, и не надо было идти в мародеры, а? – спросила Ландыш, обхватив себя за плечи и зябко поежившись. Она всегда так делала, когда накручивала себя. – Тебе чего на прошлой работе не сиделось? Денег хватало всегда, я тебе ни слова не говорила, не жаловалась.

Азат накинул плащ, пропустил руки в рукава, надел капюшон и принялся застегивать пуговицы на бортах. Натянул петли на большие пальцы, наклонился, поднял бронежилет и надел сверху через голову.

Она и раньше, бывало, его пилила, но редко. А как в «Булат» пошел, совсем сорвалась.

– Тебе сорок четыре уже, ты до всего этого оружия в руках не держал даже, сам говорил. Жили нормально, чего тебя на приключения потянуло? Или у тебя другая где-то? Где она, на «Театре кукол»? На «Молодежной»?

В ход пошла тяжелая артиллерия – обвинения в супружеской неверности. Надо сказать, беспочвенные. Какие измены, если в переходе все друг друга знают? Ну а что было бы, если бы факт адюльтера раскрылся? Да, ушла бы Ландыш, и детей забрала. А последнее, чего ему хотелось – это чтобы пацанов воспитывали с чувством вины за неверность отца.

Да и жену Азат любил, и не нужны ему были другие. Но молчать он больше не мог.

– Да, так и есть, – ничего не выражающим голосом ответил он, застегивая молнию разгрузочного жилета. – Вот стреляем мы на поверхности в «маугли» или «лаков», а я думаю, как

дойду до «кукол» и пойду ее трахать. Знаешь, каждый раз такого дятла задаю ей, что тебе и не снилось.

– Дурак! – плюнула в него жена, понимая беспочвенность своих обвинений. – О себе не думаешь, так обо мне с детьми подумай!

– А я не думаю разве?! – уже прокричал он в ответ, надевая поверх разгрузки противогазную сумку. – Если не я, то кто пойдет-то, а?

– Да кто угодно! – Ландыш подошла ближе. – Я же каждый раз, как ты уходишь, уснуть не могу! Думаешь, хорошо мне? Или детям? А если ты не вернешься однажды?

– Вернусь, – ответил Азат. Наклонился, вытащил из поясной кобуры пистолет, сунул в кобуру на разгрузке. Подобрал с пола автомат, с яростью затолкал в него магазин и дернул затвор. Щелкнул предохранителем.

– Ага. Валя, Кулак, Костя, Рома тоже, наверное, думали, что вернутся. – Она перечислила имена бойцов из того, первого «Булата». – Но знаешь, чего я еще больше боюсь? Что ты другим однажды вернешься. Как Нельсон.

Жена уцепилась за ремень автомата, не давая повесить его на шею. Азат мягко положил свою руку на ее, в который раз удивившись тому, что в этих маленьких пальцах кроется столько силы.

– Нельсон всегда психованным был, а как жена у него умерла – совсем с катушек слетел, сама знаешь. – Он мягко разжал ей пальцы. – Я другой. И я вернусь.

Он повесил ремень на шею и пошел к выходу из класса, стараясь не оглядываться, чтобы не видеть ее слезы. Сам понимал, что трусливо убегает, но ничего с собой поделать не мог.

Что ему? Сдать оружие, химзу и остаться тут с женой?

А Ландыш... Стерпится, привыкнет, рано или поздно. Скорее всего, дело в устроенной Полковником эвакуации: то, что пришлось собирать вещи, бросать нажитое и загружаться в автобус, очень сильно ударило по нервам. Вот и не выдержала.

– Что, опять? – спросил Баранов, который в полном обмундировании уже шел к выходу из школы.

– Опять, – со вздохом ответил Азат.

– Бывает, – кивнул он, привычно протянул башкиру пачку сигарет.

Для них это уже успело стать ритуалом. Баранов пытался накуриться перед выходом: на поверхности-то не посмолишь. Азат просто поддерживал его, сам он бросил курить на последнем курсе института и не вспоминал про табак, пока не пошел в «Булат».

Да и сложно было нынешнее курево табаком назвать. То, что в сигареты забивали, и до Войны-то имело с ним очень мало сходства, а уж теперь курили все, способное гореть. Очень хорошо шла ботва от помидорных кустов – наверное, из-за того, что томат тоже входил в семейство пасленовых. А некоторые довольствовались мхом и ничего, не жаловались.

Выпустив изо рта горький дым, башкир помотал головой.

– Что такое? – спросил Баранов.

– Да, это не синий «Винстон», – усмехнулся Азат. – Как думаешь, мы где-нибудь достанем настоящий табак?

– Наверняка на югах выращивают. Может, туда нам и двинуться?

– Да, там могут. Там сейчас, наверное, еще теплее, чем до Войны?

– Почему так думаешь? – прищурился Баранов.

– Ну если у нас стало холоднее, то где-то должно потеплеть. Наверное.

– Наверное. – Леха хмыкнул и потушил сигарету о стену, кивнул в сторону спускавшихся со второго этажа бойцов. – Пойдем, парни собрались уже.

Азат хотел было бросить сигарету на пол и растоптать, но побоялся случайно прожечь резину защитного костюма. Аккуратно «забычковал» окурочек об стену и двинулся следом за Барановым, расстегивая пуговицу на противогазной сумке.

– Можешь застегнуть, – предупредил его движение лейтенант. – Идем без них. С открытыми забралами, считай.

– В смысле? – не понял башкир.

– Да в прямом. Фильтры экономить надо, у нас их не так много, а спецов с «Молодежки», чтобы чистили, нет. Да и фон там не такой высокий.

– А если горячую частицу схватим? – поинтересовался Баранов, который, похоже, тоже был недоволен решением командира.

– Ну а я на что? – Ершов показал на радиометр, закрепленный поверх одного из кармашков разгрузки. – Если поднимется фон, наденем. А сейчас серьезно ни к чему, только идти тяжелее будет. Эти места не бомбили, след, что прошел, давно рассеялся уже. Если что и осталось, то в низинах да вдоль рек и ручьев.

– Там водохранилище целое, Сем, – заметил Азат. – Как раз там, куда мы идем.

– Ну мы же прямо к нему не сунемся. И нет там водохранилища больше, плотину ГЭС-то снесло.

– Ладно, хватит разговоры говорить, – поморщился лейтенант. – Идти надо, пока совсем не рассвело.

В карауле у двери стоял Виктор – худощавый высокий парень из родившихся уже после Войны в первые, самые беспокойные годы. Он и раньше частенько стоял в карауле на «Домостроителей», похоже, что нравилось ему это дело. Сейчас на столе вахтера, который дежурный пододвинул ближе ко входу, лежала книжка с серой обложкой и портретом какого-то из давно почивших вождей прошлого. Видимо, прошвырнулся Витя по библиотеке, подыскал себе чтиво по душе.

Странные у него были вкусы.

Караульный кивнул лейтенанту и пошел открывать дверь. Смотрел серьезно, хмурился и сжимал губы. И так было каждый раз, но сейчас башкир видел в его взгляде что-то необычное.

И только снаружи Азат понял, что смотрел на них парень, как на самоубийц.

Еще бы. После рассвета на поверхность полезли. Умалишенные.

Глава 4

Мы идем широкими полями

За полчаса марша до Биюргана Азат успел заскучать по Челнам.

Там-то хорошо – идешь себе и идешь, смотри только, чтобы не споткнуться о разбитый асфальт. Из препятствий – брошенные на улицах машины и оставленные дорожными рабочими траншеи. Иногда приходилось пробираться через дворы, но и тогда никаких сложностей не было.

Здесь же совсем другое. Уже трижды они забирались на холмы и спускались с них, а один раз даже перешли болотце, в которое превратился ручей, когда-то бегущий по дну оврага. Пришлось надеть противогазы.

В итоге за первые десять минут похода Азат капитально взмок несмотря на то, что мог дышать полной грудью, а не довольствоваться скудной порцией воздуха со стойким привкусом резины, которому удавалось просочиться через фильтр.

Хорошо, что потом они вышли на дорогу. Обычную сельскую, наверняка и до Войны особым качеством покрытия не блиставшую. Сейчас же асфальт совсем сошел, оставив после себя только редкие островки, которые больше мешали, чем помогали.

Но путь был прямой. Указатель с названием деревни остался позади, а саму ее уже было видно, точнее небольшой кусочек – все остальное загораживали сбросившие листву деревья.

– Как думаете, это из-за мороза деревья голые стоят? – спросил Азат.

– Наверное, – после небольшой паузы ответил идущий впереди лейтенант. – Фон тут невысокий, а гербициды, думаю, никто не распылял.

– Какие еще гербициды? – не понял Ершов.

– Ну, сам думаешь, почему в Челнах все деревья погибли? Я же помню, какой зеленый город стоял тогда летом. Одни тополи, конечно, но куда не глянь – везде листва. А как сбросили ее той осенью, так больше не появилась.

– Да какие это гербициды были, кому нужно город ими обрабатывать, это же не джунгли Вьетнама, – возмутился Семен. – Вирусы это были боевые, точно вам говорю. От них деревья умерли, а люди и животные, кто выжил – вон во что превратились.

– Вирусы, ага. Да не бывает таких вирусов, чтобы из человека тварь делали... Это дьявол послал своих слуг на охоту за нами, – замогильным голосом проговорил Шмель.

Баранов собирался расхохотаться его шутке в голос, но встретившись взглядом с обернувшимся лейтенантом, решил, что это чревато, и позволил себе только усмехнуться.

– Не накликай, Никита, хорошо же идем, – поморщившись, проговорил командир.

– Хорошо, факт, – согласился Ершов. – Спокойно. Только вот почему тут никого нет?

– Кстати, да, почему? – подхватил Азат. Эта мысль давно не давала ему покоя. – Я до Войны еще с братом вместе фильм смотрел про Чернобыль. Так там показывали, что вся Чернобыльская зона зеленая стоит. И зверей там расплодилось, жуть. Волки, лошади, кабаны, зайцы всякие бегают, заповедник натуральный.

– Люди им мешали, – согласился Ершов. – А как людей не стало – расплодились.

– А тут чего не расплодились? Сколько идем уже, а ни души, – сказал Баранов. – Я-то думал, поохотимся сейчас.

– Значит, им кто-то мешает, – пожал плечами Азат. – Только, наверное, мы и их бы встретили уже?

– Не накликай, попросил же, – повторил лейтенант. – Кто-то ведь загнал тех... Из «Крепости».

– Крепостных, – снова пошутил Никита.

– Ага, так и запишем, – согласился командир. – Знать бы еще, где их крепость. Там люди все же. Поговорили бы, выяснили, что в новом мире и как. А то мыкаемся из стороны в сторону и не знаем куда приткнуться. Ладно, соберитесь, мы уже близко.

Дальше шли молча. С каждым шагом деревня приближалась, и выглядела она больше, чем была на самом деле. Сколько там домов? Наверняка даже двух сотен нет, но участки гораздо больше, чем в той же Шильне, что правильно: в Шильне жили городские бездельники, а здесь люди с этой земли кормились.

Но когда отряд вошел в деревню, их встретила такая же картина, как и в Калмии – покосившиеся заборы, дворы, густо заросшие сорной травой, сейчас пожухшей и пожелтевшей. Под натиском времени едва ли выстояло хотя бы каждое пятое строение, да и то оно пощадило лишь крепкие и кирпичные. Большинство же находилось в плачевном состоянии – провалившиеся крыши, разбитые окна.

Кое-где даже срубы успели совсем развалиться. Логично, двадцать лет никто в них не жил, не протапливал печей, не подмазывал бревен, не заменял подгнивающие брусья и стропила.

– Опять людей нет, – сказал Азат. – Как думаете, и здесь все умерли?

– Может, ушли? – предположил Баранов. – От Челнов дальше, так что и фон здесь должен быть пониже.

– Да какая облаку, в принципе, разница, двадцать километров или двадцать пять? – пожал плечами Ершов, посмотрел на показания дозиметра и озадаченно пробормотал: – Сейчас тут фон даже выше. Интересно, почему.

– Может, противогазы наденем? – спросил башкир.

– Не настолько. Но вот радиозащитные средства лучше принять. Командир?

– Добро, – ответил тот и сам первым вытащил из нагрудного кармашка оранжевую коробочку.

Азат с завистью посмотрел на шприц-тюбик с промедолом, вместо которого в его аптечку положили две таблетки кеторола. Вытащил свою, открыл, выковырял первый пенальчик и отвернул крышку. Закинул в рот лекарство и скривился в предвкушении горечи, которая уже успела стать привычной.

Вернул пенал на место, взял другой, с радиозащитным средством номер два, положил на язык следующую таблетку. У горечи появился солоноватый оттенок, рот вязало.

– Держи, – протянул Баранов Азату флагу.

Фляга у башкира была своя, но отказываться он не стал. Взял емкость, сделал пару глотков и выдохнул. Металлический привкус воды перебил горечь.

– Спасибо, – вернул он емкость хозяину.

– Теперь и жить легче, да? – усмехнулся Шмель.

Не то чтобы башкир верил в лечебные свойства противорадиационных средств из оранжевых «аишек». В то время, когда их производили, люди еще толком и не знали всего вреда радиации. И тем более никто, кроме писателей-фантастов, не мог представить, что будет твориться на сожженной атомным пламенем Земле.

Но в любом случае для психики было полезно верить, что эти таблетки помогают компенсировать действие радиации и нейтрализуют свободные радикалы, которые образуются при прохождении ионизирующих лучей через ткани. А что на самом деле – да бес его знает.

Для психики в целом гораздо полезнее жить в неведении.

– Прочешем деревню? – спросил Баранов, оглядевшись. Никаких следов на улице не было, а ведь здесь шел бой и, судя по звукам стрельбы на записи, нешуточный. – Разделимся? Или как?

– Не напороться бы ни на кого, – пробормотал Шмелев.

– Разделяться не будем, пойдем все вместе. В принципе, улиц тут немного, слишком участки широкие. Увидим. Порядок движения, как по проспекту, смотрите во все стороны.

Азат встал в одном из углов неровной фигуры, в которую выстроились бойцы, проверил на всякий случай автомат. Обращаться с оружием было привычно, этому учили всех жителей перехода на «Домостроителей», а вот крутить головой во все стороны и подмечать неприметные детали, которые на поверхности могут спасти тебе жизнь, он так до сих пор и не научился.

И неудивительно. Сколько он состоит в «Булате»? Полторы недели? Чтобы чему-то научиться – смешной срок. А вот чтобы подниматься на поверхность почти каждый день, пусть даже и под руководством старших товарищей, но возвращаться живым – внушительный.

Но долго им искать не пришлось. Уже на следующем повороте они наткнулись на место кровавой расправы. И судя по тому, что стреляные гильзы еще не успели потускнеть и покрыться патиной, произошла бойня совсем недавно. Похоже, это было то самое место.

– Так, Азат со мной, остальные прикрывать, – приказал лейтенант.

– А почему я? – сам от себя не ожидая, произнес башкир и тут же прикусил язык – приказы не должны обсуждаться.

– А ты глазастый, – усмехнулся командир. – Будем тебя на следопыта натаскивать. Идем.

Азат с лейтенантом двинулись к забору по правую сторону от дороги. Основные следы побоища находились именно возле него – гильзы, автоматные магазины, которые бойцы не успевали вложить в освободившиеся карманы на разгрузке и бросали прямо на землю. Трупов не было, зато крови – предостаточно. Она уже успела почернеть и смешаться с осенней грязью.

А еще прямо поверх следов тяжелых армейских ботинок было несколько странных, треугольных, будто оставленных тремя расходящимися в разные стороны когтями. Башкир не видел таких ни у одного известного ему животного. Подумал, было, что птичьи, но тут же сам себя одернул. Как могут пальцы птиц отходить так, чтобы образовывать с землей равностороннюю треугольную пирамиду?

– Следы, – пробормотал лейтенант. – Не знаю чьи, странные очень.

– Ага, – кивнул башкир. – Я ни у кого таких не видел. Может, это и есть те самые «речные»?

– Странное название для тварей, совсем без фантазии. Я думал, это группировка местная или что-то в этом роде. Смотри, и трупов нет. И следов волочения тоже. Но ведь не сожрали же их прямо на месте? Слишком быстро, да и с костями...

– Секунду, – Азат подошел ближе к забору, наклонился и потрогал пальцами трухлявый штакетник. – И здесь, смотри.

На заборе, примерно на уровне плеч взрослого человека, был след, который образовывал пологую дугу. Башкир посмотрел на перчатку, но дерево уже успело впить в себя кровь. В том, что это была именно она, Азат не сомневался.

– Чем это ему так? Косой башку снесло? – спросил лейтенант. – Вот вообще не интересно, кто это мог сделать. Честное слово.

– А голова где? Через забор перелетела?

Азат схватился за ограждение, подтянулся, заглянул во двор и наткнулся взглядом на лежавшую на земле человеческую голову, которая смотрела в небо помутневшими глазами.

Заметил он и еще кое-что интересное – кровавый отпечаток руки на дверном косяке приземистого кирпичного дома, который за этим забором находился.

– Кто-то выжил, командир, – сказал башкир. – Но ранен. Проверим дом?

– Надо. Похоже, что мы нашли того, кто вышел на связь. Идем.

Лейтенант потянул на себя высокую дверцу, но она не поддавалась. Похоже, радист смог не только спрятаться во дворе, но и заблокировать вход от напавших тварей.

– Ну-ка подсади, – попросил командир.

– А если там эти? – Азат с сомнением посмотрел на него. – Трехпалые и с косами.

Лезть за забор было страшно, пусть даже лейтенант и собирался пойти первым. С другой стороны имелось понимание, что делать это все равно придется, потому что источник передачи найти надо. Иначе смысл был высовываться из укрытия?

Сейчас здание школы со спортзалом, полным трупов, уже казалось вполне уютным. Почти как бетонная кишка родных «Домостроителей».

– Следы в другую сторону ведут, – помотал головой тот. – Они трупы утащили, а этого, значит, не достали.

– А если другой кто? Мало ли мутантов здесь может быть?

– А ты еще не понял? – усмехнулся командир. – Пусто тут, всех эти «речные» сожрали, а кого не успели, тот сам свалил. Подсади, говорю.

Башкир покорно присел и сложил руки, чтобы получилась ступенька. Лейтенант наступил на нее, схватился за ограждение, забрался на него и тяжело упал вниз. С противоположной стороны послышался металлический лязг, а потом калитка отворилась.

– Давайте все внутрь, – приказал высунувшийся в проем командир. – Нечего на улице маячить.

Бойцы двинулись во двор. Похоже, что им, в отличие от Азата, было неуютно снаружи, у всех на виду. Башкиру же, наоборот, упорно не хотелось в замкнутое пространство, еще и порядком заросшее странного вида сорняками.

– О, голова, – сказал Леха, сделал пару шагов в сторону, наклонился и подобрал валявшуюся под забором часть туловища. Повернул шейю вверх, оценил чистоту среза. – Не отпиливали. Отрубили как будто одним махом, но лезвие было бугристое, не очень острое. Это ж какая силища нужна?

– Похоже, что твари эти охрененно сильные, – согласился Шмелев, оценив отпечатки на земле. – И очень тяжелые. Следы странные, я таких никогда не видел... Но глубокие, почти на семь сантиметров в землю уходят.

– Голову с собой берем? – спросил Баранов.

– Зачем? – не понял лейтенант.

– Ну как зачем, мы же поедем к этой самой крепости, нет? Вернем родственникам.

– Выбрось эту дрянь, – поморщился командир. – Не уверен, что отрезанная голова сильно утешит скорбящих, а вот заставить напрячься может вполне. Ладно, Азат, мы идем внутрь, остальные – прикрывать.

Дверь была закрыта изнутри, но лейтенант достал из ножен армейский штык-нож от АК, вставил между створкой и косяком и медленно повел вниз. Примерно на ладонь выше ручки нож на секунду застрял, но взломщик пару раз дернул его, как-то наклонил и протолкнул внутрь. Вытащил лезвие и потянул створку на себя дверь. На пол упала железяка, за которую и цеплялась щеколда.

– Дом с виду нормальный, а дверь деревянная, – проговорил командир, убирая нож.

– Не успели, может, капитальную установить, – пожал плечами Азат. – Или не сочли нужным. На самом деле в таком доме никакая дверь от взлома не спасет. Только от сквозняков и поможет. Мы в деревне даже не закрывали летом, когда дома сидели, просто тюль в проеме вешали, чтобы мошка не так летела.

– А чего так? – спросил лейтенант, включая фонарь.

– Да жарко было, а так хоть дуло немного. – Азат нажал на кнопку своего, закрепленного на лямке рюкзака, а сам взял автомат на изготовку.

– Есть кто? – громко спросил командир в разгоняемую лучами света пыльную темноту. – Мужик, ты живой?

Ответа не было. Они переглянулись, и лейтенант, стараясь ступать как можно тише, двинулся в глубь помещения. Азат пошел следом, смотря под ноги. Свет выхватил кучу курток

на вешалке и покрытый толстым слоем пыли пол тесной прихожей, на котором отпечатались следы тяжелых берцев, за которыми тянулась цепочка из темных капель.

Отпечатки правого ботинка были несколько смазаны – человек, который прошел здесь, хромал. В гостиной следы поворачивали налево и скрывались за межкомнатной дверью. Лейтенант взял ее под прицел и коротко кивнул.

Азат схватился за ручку, повернул и потянул на себя, одновременно делая шаг в сторону, чтобы не перекрывать командиру линию огня.

Стрелять не пришлось. На пыльном подоконнике, прямо напротив входа, была разложена рация, а на полу рядом лежал совсем молодой парень, одетый в самый обычный ОЗК безо всяких знаков различия. Остальная экипировка была вполне заурядной: автомат, разгрузочный жилет с пистолетной кобурой, из которой торчала рукоять Макарова и ГП-5, отброшенный куда-то в сторону.

На правом бедре, прямо поверх разорванной резины защитного костюма, была намотана неаккуратная, пропитанная кровью повязка. Чуть выше был жгут, а по полу растекалась небольшая темная лужица. Разорванная упаковка бинта лежала рядом, как и использованный шприц-тюбик. Возле подоконника валялся тощий рюкзак уж очень школьного вида. Скорее всего, для этих целей он раньше и использовался, пока не попал в руки этого парня.

– Проверь, – приказал лейтенант.

Башкир вошел в комнату и двинулся в сторону тела. На всякий случай отодвинул подальше лежавшее на полу «весло», избавил парня от пистолета в кобуре, и только после этого наклонился, пытаясь услышать дыхание.

Его не было. Прощупывать пульс рукой в перчатке ОЗК не было смысла. Оставался еще один способ, которому Азата научил Ильдар – врач с «Домостроителей».

Он аккуратно развел веки парня и сдавил глазное яблоко пальцами. Зрачок превратился в тонкую вертикальную щель, будто принадлежал не человеку, а кошке. Мало того что прикосновение к глазному яблоку никто не смог бы вытерпеть, так теперь стало понятно, что они имеют дело с мертвецом, а не находящимся в глубокой коме.

– Труп, – сказал башкир, невольно морщась – нажимать кому-то на глаза было неприятно даже сквозь резину защитного комплекта.

– Ладно. Рация должна быть рабочей, вряд ли она успела разрядиться. Попытаюсь связаться с нашими, сообщу, что нашли следы побоища.

– Я снарягу приберу? – спросил Азат. – Может пригодиться.

– Прибирай, – кивнул лейтенант, подошел к подоконнику и принялся щелкать тумблерами и вертеть рукоятки на приборной панели рации.

Башкир расстегнул разгрузочный жилет, стащил его с парня и принялся знакомиться с содержимым карманов.

Разгрузка была какой-то неизвестной модели, может, вообще кустарной. Помимо нескольких карманов под автоматные магазины, кобуры и подсумка под пистолетные, здесь было еще и большое отделение, в котором лежала аптечка. Не стандартная «АИ», а самосборная, в какой-то веселой косметичке с изображением Эйфелевой башни и надписью «Paris».

– «Домостроителей», я «Булат». Повторяю, «Булат» вызывает «Домостроителей», прием. «Булат» вызывает «Домостроителей». Меня слышно? Прием, – говорил в микрофон рации лейтенант.

Азат подумал, что аптечка может быть подходящим местом для хранения записки, перевернул ее, но ничего не нашел.

Подтянул к себе за лямку рюкзак, расстегнул молнию. Отложил в сторону пачки с «сешь-шестьдесят два», понюхал сверток маслянистой бумаги, от которого терпко несло копченым, развернул – кусок сала. Рядом нашлись несколько лепешек, упакованных в полиэтиленовый пакет, фляга и пластиковая полулитровая бутылка с гречей.

Хорошая штука – греча, в правильных условиях хранится практически вечно, а из-за специфического запаха в ней не заводятся паразиты. В отличие от пшеники, которую уже на второй год после Войны ели только с очень большой голодухи – горчила.

На самом дне рюкзака лежал футляр, в котором оказался простенький четырехкратный прицел. Азат повеселел: такие штуки попадались достаточно редко, и на тех же «куклах» их можно было дорого загнать. Хотя для него это почти бесполезная вещь, стрелять на такие дистанции ему не приходилось, да и не умел. Будь это какой-нибудь коллиматор от «пилад» или «уэбер», тут же поставил бы себе на автомат, а так – только патроны тратить.

– «Домостроителей», до Биургана добрались, – похоже, что командиру удалось связаться с оставшимися в Калмии. – Тут бойня, но трупов нет, утащили. Следы мутантов. Мы нашли одно тело, того самого радиста, он спрятался в доме.

Азат подумал и решил, что не стоит брать лишнюю разгрузку. Скинул со спины рюкзак и сунул туда два оказавшихся полными рыжих магазина к АКМу, три пистолетных и сам ПМ, который предварительно поставил на предохранитель. Аптечку тоже решил не бросать, как и противогазные фильтры, которые, судя по грубо запаянному шву, проходили очистку. Похоже, что не только на «Молодежной» до этого додумались.

Забрал патроны, еду, решив, что приварок лишним не бывает, и прицел.

Подумал было взять и жгут, которым парень перед смертью успел остановить себе кровотечение, наклонился и заметил одну деталь – резиновая лента оказалась распушена. Сам жгут Эсмарха развязаться не мог, это не какая-нибудь закрутка из веревки и палки. А значит, «крепостной» нарочно ослабил его.

Покончил таким образом с собой?

Башкир задумался. Смерть от кровопотери в ситуации, в которой оказался парень, была не самой страшной. Какую альтернативу мог выбрать радист? Застрелиться? Так пустить себе пулю в башку не каждому духу хватит. Повеситься? Тем более.

А вот просто распустить жгут, тем более что промедол уже заглушил боль и притупил страх?

Азат расстегнул пуговицы ОЗК. Он не собирался забирать его с собой, просто подумал, что может найти на одежде какие-нибудь опознавательные знаки. А вместо этого наткнулся на запаянную парафином гильзу в правом нагрудном кармане клетчатой рубашки.

– Следы незнакомые, таких я в жизни не видел. Надо разузнать больше, думаю пройти по ним немного, но и особо высовываться не стоит. По идее сейчас это не так рискованно. Они уже сожрали как минимум четверых, должны быть сыты. Короче, передай Полковнику, что мы задержимся. Прием.

Башкир вытащил нож, аккуратно расковырял пробку и вытряхнул себе на ладонь небольшую бумажку, оказавшуюся кусочком тысячерублевой купюры. Развернул.

«Антон Соколов, июнь 2013, II «+»,
Мензелинский острог».

Мензелинск. Второй раз за сегодняшний день он видел это название. В первый речь шла о радиопередачах, которые транслировали оттуда сразу после Войны. Городок этот, очевидно, никто не бомбил, не было там приоритетных целей. Но все равно случилось в нем что-то нехорошее.

Острог? Острог ведь это и есть крепость?

– Командир, – позвал он лейтенанта. Тот недовольно поморщился, мол, не видишь разве, разговариваю, но обратив внимание, что именно держит в руках боец, заинтересовался.

– Передай Полковнику, что «Крепость» находится где-то под Мензелинском, – сказал он. – Срочно. Мы берем рацию с собой и движемся по следам тварей. Если что, контрольный

сеанс связи через час. На этой же частоте. Как меня понял, прием? – дождался ответа и сказал: – Вот и славно. Отбой.

Глава 5

Двуречье

Азату не нравилась идея идти за монстрами. Он вообще считал, что не стоит преследовать того, кто может одним взмахом перерубить человеку шею так, что голова от удара перелетит через двухметровый забор. Особенно если они покروшили отряд из пяти вооруженных автоматическим оружием бойцов. И тем более, если цепочек треугольных следов было целых пять.

Еще один ствол «булатовцы» нашли в полусотне метров дальше по улице. Похоже, что он попросту свалился с трупа и твари не обратили на него внимания. Гораздо интереснее им было свежее мясо, а оружия, видно, и своего, природного, хватало.

«Калаш» подобрал Ершов. Деловито отсоединил магазин, дернул затвор и нажал на спуск. Автомат сухо шелкнул, а удовлетворенный этим боец забросил его за спину.

Короче, не только Азату удалось прибаракхиться. Еще и Баранов, как самый здоровый, теперь тащил на спине тяжелую армейскую рацию, которую переложил в свой рюкзак. Впрочем, сам башкир был уверен, что даже так Леха сможет идти всего лишь в два раза быстрее него.

А еще он был возмущен, что приходилось подниматься в гору. Хуже, чем это, для него испытания не было, разве что лестницы. Хоть он и был сильным и достаточно выносливым, что признавали все, включая товарищей по разведгруппе, подъемы ненавидел всей душой.

Скоро бойцы забрались на вершину холма, второй склон которого должен был заканчиваться у берега Ика, только вот реки видно не было: внизу все оказалось покрыто густым зеленоватым туманом.

Лейтенант жестом приказал отряду остановиться, стащил со спины рюкзак и вынув предмет своей гордости – двенадцатикратный полевой бинокль, принялся осматриваться.

– Что там, командир? – спросил Баранов, который никогда не славился особым терпением.

– Да не видно ни хрена, – ответил тот, не отрываясь от своего занятия.

Азат вспомнил про найденный у мертвого парня прицел, стащил со спины рюкзак, достал футляр, который до этого сунул в боковой карман, раскрыл и приложился к окуляру.

Четырехкратное увеличение было не самым сильным, но позволяло рассмотреть гораздо больше, чем невооруженным взглядом.

Только вот видно оказалось действительно мало. Зеленый туман оказался слишком плотным, а ориентиров не имелось – ни торчащих из пелены верхушек деревьев, ни линий электропередач.

Решив бросить бесполезное занятие, Азат оторвался от прицела и передал его Баранову, который чуть ли не подпрыгивал на месте от нетерпения. Правда, тот вернул прибор башкиру, как только удостоверился, что и через него ничего не понятно.

А вот четкие цепочки следов уходили вниз, где терялись из виду. Твари отправились в туман, они его помехой не сочли. Может, это был их дом?

– Заблудимся, – неуверенно проговорил Ершов.

– По азимуту пройдем, если что, как под землей, – возразил Шмель. – Только смысл соваться, там ведь берег дальше?

– Может быть, подождем? – предложил башкир. – Туман над рекой по утрам долго не держится обычно. Через полчаса развеяться все должно.

– Слишком уж он плотный, – пробормотал Лейтенант, продолжая вглядываться вдаль. – Что-то с ним не так.

Налетевший ветер на секунду разметал клочья плотной завесы в стороны. Азат вскинул к глазам прицел в надежде увидеть хотя бы противоположный берег нижекамского водохранилища, и обомлел.

Огромного водного массива, который он помнил, больше не было. За неширокой полосой реки был виден противоположный берег – серо-зеленый, покрытый невысокими уродливо искореженными деревцами. В представлении Азата так выглядели болота, настоящих-то он никогда не видел.

И это болото было явно из тех, на которые не стоило «выходить в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно». Сейчас, под утро, лезть туда ему тоже совсем не хотелось.

Видение длилось всего с полминуты, потом непроглядная пелена тумана вновь затянула горизонт. Башкир упаковал прицел обратно в футляр, закинул рюкзак за спину.

Лейтенант наконец оторвался от бинокля и принялся упаковывать его.

– Короче, нет больше водохранилища, вытекло все. Успел увидеть вдалеке реку. Должно быть, Ик и Кама новые русла себе пробили, а между ними – болото. Видел заливы со стоячей водой, старицы. Деревья растут, косые и кривые. Вот тебе и Двуречье, – сказал он. – Дальше не пойдем, все равно через реку перебраться не получится, да и смысла нет. Будем возвращаться.

– Рыбы там полно, наверное, – мечтательно проговорил Баранов.

– Судя по всему, такая рыба сама тебя на закуску схарчит. К пиву, – ответил ему Шмель. – Представляешь, что в этой воде может быть, если облако с Челнов в ту сторону ушло? Да и сверху, с Урала могло натечь. И так тут долго торчим, давайте назад, пока твари не вернулись. Те у забора отбиться не смогли с прикрытыми спинами, а мы тут вообще в чистом поле, считай.

– Хрень какая-то, – пробормотал Ершов, сосредоточенно рассматривая экран радиометра. – Фон почему-то вверх попер.

– Приготовиться, – приказал лейтенант. – Похоже, твари идут.

Азат перехватил автомат на изготовку и принялся сосредоточенно оглядываться. В словах командира была логика, некоторые твари действительно жутко фонили. Из речных вспомнить он мог, правда, только «шарков» – безобидных мутировавших рачков, которых в переходах употребляли в пищу.

Панцири «шарков» не миновали излучения, тем более что на них какое только дерьмо не налипало, но мясо, особенно если хорошенько отмочить, было очень вкусным и практически безвредным. Настолько, насколько могло быть безвредным что-то порожденное свихнувшейся природой. Хрен знает, какие там содержались яды и токсины, но их ели и никто не умер.

Но уже через секунду башкир понял истинную причину повышения фона. Затянувшаяся пелена поползла вверх, и если пару минут назад она скрывала только подножие холма, на котором находилась группа, то сейчас под ней оказалась и большая часть склона.

– Туман верх пополз, командир, – сказал Азат, показывая вниз.

– Газы! – первым отреагировал Ершов, руки которого уже сами собой расстегивали клапан противогазной сумки. – Надевайте, надышитесь еще, потом легкие выхаркивать будете.

Башкир задержал дыхание, судорожно открыл сумку, вытащил из нее маску, расправил и натянул на лицо. Привычно выдохнул, выгоняя из противогаса зараженный воздух, снова огляделся и убедился, что не ошибся: туман действительно полз вверх, и уже через минуту должен был накрыть и их.

– Возвращаемся, нечего тут торчать, – сказал лейтенант. Хреновая переговорная мембрана хоть и искажала голос, но не лишала его командного тона. – Пойдем быстрым шагом, больше чем на метр не расходиться.

Группа двинулась вниз с холма. Азат надеялся, что туман не догонит их, но не успел отряд добраться до деревни, как это произошло. В последний момент командир взял азимут и сейчас они шли по нему, потому что никаких ориентиров видно не было.

Да вообще ничего видно не было: уже через пару метров все скрывала проклятая зеленая завеса. Казалось, протяни руку, и не сможешь разглядеть собственных ладоней.

Им уже приходилось однажды двигаться в таких условиях, пробираясь через катакомбы и канализации, прорытые под Челнами, пока город был еще жив. Только вот тамошняя темнота оказалась гораздо привычнее людям, которые последние двадцать лет провели в тускло освещенных подземных переходах. Тем более что она прекрасно разгонялась лучами фонарей.

Здесь же карманные источники света не помогали, их лучи бессильно гасли, отражаясь от миллиардов капель воды, висевших в воздухе. И даже на слух ничего понять было нельзя, потому что единственными звуками был шорох пожухлой травы под ногами да тяжелое дыхание людей в противогазах. В тумане могло прятаться все что угодно, и как бы лейтенант ни спешил, пришлось сбавить ход.

Они перебрались через поваленный металлический забор, и вокруг замелькали покосившиеся ограды и практически невидимые под слоем упавших листьев памятники. Деревенские татарские и башкирские кладбища всегда больше напоминали что-то вроде парков – по древним обычаям эти народы сажали на могилах деревья.

Потом, конечно, перестали. То ли запретили, то ли мода на массивные обелиски из мрамора и гранита взяла верх. На городских кладбищах деревьев почти нет.

Но это было из старых. Под ногами шуршали опавшие листья, а вертеть головой приходилось еще более интенсивно, чем обычно. Могилы появлялись из тумана и исчезали в нем же. Деревья и кустарники за двадцать лет превратились в почти непролазные заросли, все тропинки покрылись слоем густой травы.

Это, конечно, было лучше, чем проваливаться по щиколотку в кашу из чернозема, но идти все равно приходилось предельно аккуратно.

На секунду Азату показалось, что он видит силуэт монстра где-то впереди, но пару шагов спустя стало ясно, что это всего лишь будка кладбищенского сторожа. Приземистое строение из красного кирпича не выдержало гнета времени: крыша кусками провалилась внутрь, фанерная дверь вросла в землю, окно оказалось разбито веткой.

Тот десяток шагов, что отряд шел мимо сторожки, башкир держал на прицеле дверной проем. Но никто на них не бросился, кладбище оказалось совершенно безжизненным, каким ему и полагалось быть.

Вновь прикинув направление, командир свернул направо. Отряд двигался вдоль ряда заборов и закрытых ворот, казавшегося бесконечным. Бойцы старались слиться с заграждением, чтобы не привлекать лишнего внимания, а перекрестки пересекали бегом, озираясь по сторонам и торопясь вновь прижаться к очередному укрытию, особенно когда что-то мелькало в тумане.

Это напомнило башкиру крыс. Иногда до Войны, когда он под утро шел в ларек за сигаретами или перекусом, то видел, как эти грязно-коричневые грызуны перебежали дорогу, спеша добраться до своих логовиц в подвалах. Наверное, торопились закончить свои звериные дела, которыми занимались по ночам, пока больших и страшных людей не было на улицах.

Как и любой деревенский житель, крыс и мышей Азат ненавидел и побаивался, предпочитая лично расставлять ловушки на них во всех помещениях перехода. Но вот топить пойманных грызунов ему и в голову не приходило, он избавлялся от них другим способом. Топором.

Где-то крыс ели – почему-то их мясо практически не аккумулировало радиацию, но башкир чувствовал приступ тошноты от одной только мысли об этом. Если крысятину и присутствовала в рационе его семьи, то исключительно в виде рубленых котлет. С этим он еще мог смириться.

Но за последнюю неделю ему уже успели объяснить, что крысы на поверхности не представляют никакой опасности. Это в канализациях они волнами прут вперед, сметая все на

своем пути. Зато всегда был риск, бродя по развалинам, провалиться в какой-нибудь подвал, где устроили свое логово грызуны. Но это была верная смерть.

Заборы вокруг исчезли, а под ногами снова был разбитый в хлам асфальт. Бюрган остался позади, Калмию и отряд разделяло не больше четырех километров. Единственное, что продолжало напрягать бойцов – это туман, который никак не желал рассеиваться.

С каждым шагом, отделявшим «Булат» от Аллахом проклятого Двуречья, Азат чувствовал уверенность, что все осталось позади. Для полного счастья ему не хватало только возможности стащить с потного лица проклятую резиновую маску и вдохнуть наконец полной грудью. Башкир уже успел привыкнуть к этой возможности, а местные запахи пьянили.

Они ведь не дышали свободно уже двадцать лет. Воздух, доступный им, был изгажен вонью человеческих тел и испражнений, готовящейся и уже испортившейся пищи, дымом папирос, в которые забито неизвестно что. Иногда опционально к этому букету присоединялись соленые кровавые нотки и горький аромат пороха.

Альтернатива, выбранная мародерами, была не лучше – привкус резины от маски и угля с металлом от фильтра. И сейчас, после полуторачасовой прогулки без противогаза, было до слез обидно лишиться возможности вдыхать этот упоительно свежий воздух.

– Фильтры, – тяжело прохрипел Ершов.

– Не рано? – так же задыхаясь, ответил лейтенант.

– Аэрозоль... – Боец делал большие паузы между словами. – Лучше перестраховаться.

Похоже, что все сейчас чувствовали себя не лучше, чем башкир. В целом это логично, марафоны были точно не их стихией. Борьба за существование в отравленном радиацией и боевыми вирусами Автограде предполагала другое: хапнуть, что получится, на спринтерской дистанции сбежать от несущейся по пятам смерти и нырнуть в безопасное нутро подземного убежища.

– Меняем, – согласился командир и перешел на шаг.

Азат сделал глубокий вдох и отсоединил фильтр от противогаза. Привычно сунул его в один из пустых карманов на разгрузке, вытащил свежую коробку, прикрутил к маске и замер.

Сейчас, когда тяжелое дыхание бойцов на мгновение стихло, башкир услышал вдали странный стук. Он быстро поднял указательный палец, сигнализируя остальным членам группы о замеченной возможной опасности, и вновь прислушался.

Звук напоминал дятла за работой, только вот не видели они в местных лесах ни одной птицы. А еще он навевал смутные ассоциации с тем стуком, с которым гвозди из пневматического молотка входят в массив сосны.

– Пулемет! – возбужденно проговорил Баранов. – В Калмии пулемет работает. Это что такое случилось?

– Напали на наших, что еще случилось, – проворчал Ершов. – Черт, знать бы только, люди или вот эти вот, «речные».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.